

Озорной детектив

Елена Логанова

“Дефиле
озорных толстушек”

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Дефиле озорных толстушек

«ЭКСМО»

Логунова Е. И.

Дефиле озорных толстушек / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
— (Индия Кузнецова)

Сотрудница рекламного агентства с чудным именем Индия искала «мисс Спелый персик» – модель для рекламы магазина одежды больших размеров. Заказчику – знойному господину Хабибу – нужна не обычная толстушка, а могучая и сексапильная красотка. Индия с ног сбилась пока не обнаружила искомую барышню необъятных габаритов в аэропорту. Но вот беда – та улетела за границу с ребенком в приметном полосатом костюмчике и говорящим мишкой в руках. Индия уныло поперлась домой и вдруг увидела на улице... ребенка в таком же костюмчике, с таким же мишкой, но коляску везла совсем другая женщина. А кто же тогда улетел? Похоже, дело пахнет похищением!...

Содержание

Вторник	5
Среда	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Логунова

Дефиле озорных толстушек

Вторник

Опустив руки и плаксиво распустив губы шнурком, я стояла в скверике на пересечении двух центральных улиц, как статуя Отчаяния. Согбенные плечи и глубоко несчастное выражение лица абсолютно не шли к моему изящному деловому костюму из ослепительно белой ткани. Пальцами я нервно теребила оторочку жакета. Меня неудержимо тянуло взлохматить свою безупречную стрижку, сделанную хорошим мастером в дорогом салоне, а потом и вовсе начать рвать на себе волосы. Мои аккуратно подкрашенные глаза за строгими очками с простыми стеклами медленно, но верно наливались слезами. Меня не радовали ни глубокая синева сентябрьского неба, ни кружевная тень каштанов, ни игра искрящихся на солнце водяных струй, исторгаемых фонтаном. Обозрев всю эту красоту, я тоскливо вздохнула и произвела носом унылый звук, являющийся прелюдией к самозабвенному детскому реву.

– О чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь? – опережая события, напел, поравнявшийся со мной, кокетливый старичок.

Я мрачно зыркнула на него влажными глазами и отвернулась, не желая вступать в разговор ни с этим конкретным дедушкой, ни с кем-то иным. Вообще из всех категорий граждан меня в данный момент интересовали только молодые красивые женщины немодельных пропорций 150–100—150, и ни сантиметром меньше! Причем просто толстухи не годились, мне нужна была настоящая красotka – могучая, как цельнодеревянная дева на носу бригантины, и привлекательная, как Клеопатра.

Эту мощную секс-бомбу я искала уже второй день. Не по собственной инициативе, конечно, а по заданию своего начальника – директора и владельца рекламно-информационного агентства «МБС» Михаила Брониславича Савицкого. Гордо названное в честь шефа по начальным буквам его ФИО агентство наше в бархатный сезон бесславно загибалось без заказов, поэтому каждого клиента Бронич был готов носить на руках.

– Инночка, детка, иди в народ и без модельки не возвращайся! – мягким и тяжелым, как львиная лапа, голосом сказал он мне вчера. – Сроку тебе даю одну неделю. – И он шепотом, чтобы не слышал клиент, добавил: – А потом мы или съёмочки начнем, или по миру пойдем.

Игрушечным словом «моделька» шеф назвал ту самую сексапильную великаншу, которую я должна была отловить на просторах родного города для съёмок рекламы магазина женской одежды «Кубанский габарит».

Это заведение недавно открылось в нашем городе в продолжение и развитие маркетинговой сети компании «Русский габарит». В разных географических точках нашей великой и необъятной родины уже работало несколько подобных специализированных магазинов: «Московский габарит», «Поволжский габарит», «Сибирский габарит» и разные-прочие габариты. Размерный ряд представленных в этих салонах одежек начинался с пятидесятого и заканчивался, как мне показалось, трехзначными номерами.

Заботу о пополнении гардероба дородных российских дам неумоимо проявлял господин Хабиб – бизнесмен афганского происхождения: смуглый, тощий и узловатый мужчина, поразительно похожий на высокорослый стебель кукурузы, засохший на корню. Сам он для визита в наше агентство экипировался оригинально – в национальный костюм из тонкой ткани модного в этом сезоне нежно-зеленого цвета, оранжевые с голубыми полосками кроссовки и желтую бейсболку, на козырьке которой примостился премиленький пушистый цыпленочек.

Разноцветный наряд господина Хабиба слепил меня, как солнце. Разговаривая с ним, я шурилась и моргала.

– Мне нада хороший крупный дэвушка, пахожий на спэлый пэрсик! – на ломаном русском объяснил мне заказчик и широко, плавно взмахнул руками, обрисовав в воздухе «пэрсик», о котором Мичурин и не мечтал.

Фрукт такого размера можно было получить разве что путем противоестественного скрещивания плодового дерева с упитанным индийским слоном.

– Персик так персик, – послушно кивнула я.

В первый момент задание не показалось мне сложным. Я даже обрадовалась ему, решив, что справлюсь с пустяковым поручением за денек-другой, а потом до конца недели буду отдыхать в свое удовольствие. Как бы не так!

Спустя сутки после разговора с шефом и клиентом мой энтузиазм не просто сошел к нулю – он упал в отрицательные числа! Мне уже не казалось, что найти заказанную господином Хабибом супергиперкрасотулю будет легко. Нет, пышных, полных, пухлых и просто толстых девиц я перевидала немало, со многими беседовала, некоторых даже фотографировала, но ни одна предложенная мной «моделька» господину Хабибу не понравилась. Почетный титул «Мисс Спэлый Пэрсик» пока не был присвоен никому. Снимки, которые я нынче утром веером выложила на стол, после невнимательного просмотра полетели в мусорную корзинку.

– Нэт! Хачу вот такую! – хищно дрогнув черными усами, заявил капризный заказчик.

Костлявым суставчатым пальцем, похожим на кривой бамбуковый стебель, господин Хабиб постучал по лаково блестящей странице богато иллюстрированной книги «История русской живописи». Альбом был раскрыт на репродукции известной картины Кустодиева «Русская Венера». Ну ничего себе! Я, значит, должна найти воплощенную мечту художника?! И это притом, что позировавшая живописцу натурщица наверняка почилла в бозе еще в прошлом веке!

Я укоризненно посмотрела на Бронича.

– Хотел как лучше, – пробормотал шеф, опуская глаза.

Глаза у него были красные, в прожилках, сорочка несвежая, а брюки мятые. Похоже, шеф со вчерашнего дня не покидал кабинета. На господине Хабибе был все тот же ослепительно яркий наряд. Неужто они с Броничем ночь напролет уточняли детали предстоящей работы? Или листали иллюстрированные альбомы?

– Вы б ему еще Рембрандта подсунули! – сердито прошипела я шефу. – «Автопортрет с Саскией на коленях», например!

– Хватит болтать, только зря время теряешь! – грубо оборвал меня Бронич, который обычно до отвращения любезен. Он скрипнул зубами и недвусмысленным жестом выпроводил меня из кабинета:

– Иди работай!

И я пошла, но не работать, а домой – плакаться, как маленькая обиженная девочка, в жилетки любящим родственникам.

Дома был только папа, он возился на кухне.

– Привет! – жалобно вякнула я из прихожей.

– Да-да, конечно, – невпопад ответил он.

Я прошла в кухню, осмотрелась и поняла, что замочить слезами отцовскую жилетку в ближайшее время мне не удастся. На папуле была не жилетка, а кухонный фартук, и это означало, что он слишком поглощен творческим процессом, чтобы заметить мои страдания. Глава нашей семьи – талантливый автор-изобретатель кулинарных рецептов, оценить которые могут читатели популярного журнала «Очаг и жаровня». А первыми – и не всегда добровольными – дегустаторами папулиных шедевров становимся мы, его родные и близкие.

– Что это будет? – опасливо поинтересовалась я, окинув взглядом живописный натюр-морт на кухонном столе.

Я сумела опознать далеко не все его составляющие. Конечно, квашеную капусту трудно было с чем-нибудь перепутать, но поразительно аккуратные мелкие кубики красного, оранжевого и светло-зеленого цвета, в принципе, можно было нарубить из чего угодно. Например, из кусков туалетного мыла. Исключать такую вероятность было нельзя: только на прошлой неделе папуля вдохновенно построгол в картофельную запеканку половину стеариновой свечки. Она была призвана заменить собой отсутствующий сыр, а заменила очистительную клизму всем членам семьи разом. Не позднее, чем через четверть часа после ужина среди едоков развернулась такая борьба за ватерклозет – куда там битве за Берлин!

– Это будет кабачок по-баварски! – ответил папуля, двумя руками вытягивая из кучи разноцветных опметков то, что я сначала приняла за фаянсовую вазу салатного цвета.

Ни к фаянсу, ни к салату гигантский кабачок отношения не имел, а вот с вазой у него, действительно, было много общего. Например, внушительный внутренний объем, который папуля принялся заполнять прочими составляющими разворошенного натюрморта. Он послойно загрузил в кабачковую вазу квашеную капусту, кусочки сосисок и разноцветные мелкие кубики, а потом поставил фаршированный овощ на попа и заглянул в отверстие. Папулино лицо приняло то озабоченное и сосредоточенное выражение, с которым особенно предусмотрительный турист в последний раз оглядывает содержимое своего рюкзака, проверяя, не забыл ли он положить что-нибудь небольшое, но страшно важное, вроде упаковки мозольного пластыря или набора зубочисток.

– Может, сметанки? – подсказала я, показав на спрятавшуюся за горой очисток баночку.

– Спасибо, – нараспев ответил папуля.

Я уже потянулась к сметане, когда он договорил:

– Спасибо, не надо!

После чего щедро насыпал в горловину кабачка тех самых подозрительных зеленых кубиков, бухнул туда же томатного соуса и заткнул отверстие пучком укропа.

– Как жаль, что у меня сегодня разгрузочный день! – поторопилась сказать я с огорчением, которое, боюсь, было недостаточно искренним.

– Ничего, – успокоил меня папуля. – Кабачок мы будем кушать завтра. Сегодня в меню самые обыкновенные котлеты.

– Я перепутала, разгрузочный день у меня как раз завтра! – заявила я.

В прихожей громко хлопнула дверь.

– Ку-ку, я дома! Есть кто живой? – шумно сбрасывая на пол туфли, прокричал Зяма.

– Пока что все живые, – пробормотала я в ответ. – То ли дело будет после завтрака!

– Привет, папуля, привет, Индюха! – поздоровался Зяма, войдя в кухню. Он потер ладони и огляделся: – Ну, где пиво? Папуля, ты вроде собирался организовать нам баварский кабачок?

– Пиво? – удивилась я.

– Пиво! – Папуля звонко шлепнул себя ладонью по залысинам. – Не зря мне казалось, что я что-то забыл!

Он открыл холодильник, взял из гнездышка на боковой полочке одинокую жестянку «Баварского светлого», ловко открыл ее, вытащил из кабачковой емкости укропную затычку и аккуратно залил туда пиво.

Зяма шумно сглотнул.

– Кабачок по-баварски – это вот! – сказала я, указав на овощ со сложной начинкой.

– А пива, значит, больше нет? – огорчился Зяма.

– Хочешь, сбегая в супермаркет? – предложила я, мигом придумав, какую пользу можно извлечь из его жажды.

– С чего бы это? – прищурился братец. – Говори, что тебе нужно?

– Помощь нужна, – честно призналась я. – Хочу использовать твой богатый жизненный опыт.

– Безболезненно? – уточнил Зяма, имеющий, в частности, богатый опыт общения со мной.

– Абсолютно! – пообещала я.

– Тогда беги! – разрешил братец.

Я сдернула с вешалки сумку и птицей полетела в магазин. Денег в кошельке хватило как раз на упаковку Зяминого любимого «Баварского светлого». Под тяжестью вязанки из шести поллитровых жестянок моя стройная фигура перекосилась. Вдобавок, отправляясь в забег за пивом, я не догадалась переобуться и унеслась в супермаркет в босоножках на каблуках, так что на обратном пути покачивалась, как тонкая рябина на ветру. С той разницей, что рябина мирно растет на своем месте, а мне предстояло пройти от магазина до дома метров триста, а потом еще вознестись на седьмой этаж. Увы мне, лифт сегодня не работал!

Потев и сердясь, я цокала каблуками по ступенькам, и уже где-то между вторым и третьим этажом глубоко пожалела, что вызвалась быть девочкой на побегушках. К четвертому я начала ворчливо приговаривать в такт своим замедленным шагам, как Женя из «Иронии судьбы»:

– Надо меньше пить! Пить надо меньше!

А к пятому этажу я уже почти ненавидела Зяму, которому приспичило среди бела дня лакать это проклятое пиво!

До финишной прямой у двери родной квартиры оставалось еще четыре лестничных марша, когда я слышала внизу звуки человеческих шагов и цоканье собачьих когтей. Очевидно, в отличие от меня пес и его хозяин не были отягощены поклажей, а также не носили каблучков, поэтому поднимались легко, быстро и должны были вот-вот меня догнать. Мне этого совершенно не хотелось! Я безошибочно угадала, что вслед за мной по лестнице шагают мой сосед сверху Денис Кулебякин и его четвероногий друг бассет-хаунд Барклай.

Встречаться с ними я не желала, хотя Денис – очень милый мужчина, а Барклай – совершенно очаровательный пес. К сожалению, отношения у нас сложные. Денис с некоторых пор претендует на то, чтобы называться моим женихом, а я вовсе не хочу выходить замуж, даже за него, приятного во всех отношениях. Честно говоря, мне не хочется расставаться со своей девичьей свободой! Впрочем, для Дениса у меня другая отговорка: я не хочу официально вступать в брак, потому что не желаю принимать мужнюю фамилию. Сейчас я Кузнецова, и это не бог весть какое звучное родовое имя, но папуля с мамулей в недобрую минуту коллективного помрачения рассудка окрестили меня Индией – как родину Махатмы Ганди. Индия Борисовна Кузнецова – каково? Впрочем, к этому ФИО я за двадцать девять лет жизни уже притерпелась, но вот Индия Кулебякина – это, по-моему, явный перебор!

Денис мог бы предложить мне оставить после регистрации брака девичью фамилию, но это претит его гордости и чувству собственного достоинства. Мой самолюбивый жених служит в милиции, а там чрезвычайно высоко ценят мужественность во всех ее проявлениях, так что друзья-товарищи не поймут моего милого, если он проявит слабость и пойдет на поводу у капризной барышни. Мы уже неоднократно обсуждали данную тему, и мне это смертельно надоело. Я, если можно так сказать, взяла отпуск и теперь отдыхаю от любимого и связанных с ним морально-этических проблем. В переводе с образного языка на нормальный это означает, что я от Дениса прячусь.

– Гау! – послышалось этажом ниже.

Я поняла, что Барклай идет по моему следу, и без раздумий толкнула дверь, с которой как раз поравнялась. Хорошо, что в нашем доме у меня полно друзей и знакомых! В этой квартире живет моя бывшая одноклассница Алка Трошкина, она меня знает и любит, а потому не рассердится, если я без стука вломлюсь в ее мирное однокомнатное жилище!

С этой мыслью я ворвалась в двадцать первую квартиру и прямо в прихожей налетела на хозяйку.

– Ой, кто это?! – испуганно пискнула Алка, которую я признала только по голосу.

– Кузнецова! – По школьной привычке назвавшись по фамилии, я захлопнула дверь.

– Кузнецова, ты с ума сошла? – укорила меня Алка. – Почему ты не постучалась?

– Некогда было, – ответила я, прикладывая ухо к двери.

Пара ног и две пары лап протопали мимо.

– Уфф! – выдохнула я, оборачиваясь к подруге. И вытаращила глаза: – Трошкина! Ты что это с собой сделала?!

– А что тебе не нравится? – Алка надула губы.

Даже надутые, они остались тонкими и бледными. Трошкина вообще не слишком яркая девица, в школьные годы она была типичной серой мышкой: маленькая, худенькая, с тонюсеньким пегим хвостиком на просвечивающей сквозь волосы розовой макушке. Прямо, бледная и заморенная Дюймовочка!

Правда, в студенческие годы Алка расцвела и похорошела, а в последнее время и вовсе преобразилась. Трошкина – жутко увлекающаяся натура. На Новый год ей кто-то подарил книжку про магию Вуду, и Алка немедленно стала правоверной «вудисткой». Она засела в солярии и загорела до черноты, наплела у себя на голове целую копну толстеньких мохнатых косичек и обвешалась серебряными и костяными украшениями весьма странного и неприятного вида. Половину зимы, всю весну и часть лета Трошкина проходила в свободных платьях из пестрого шелка, бахромистые подолы которых занятно торчали из-под кроличьего тулупчика и стеганой курточки. Бдительные милиционеры принимали колоритную Алку за лицо цыганской национальности и постоянно останавливали «вудистку» на улице, живо интересуясь ее документами.

Трошкина, которая стояла передо мной сейчас, походила на поклонницу культа Вуду не больше, чем я с моим ростом 175 см и длиннющими ногами – на ожиревшего тюленя. Косметики на узком личике подруги не было вовсе. Короткие волосики топорщились на маленькой голове, как перышки промокшего воробушка. И расцветки они были примерно такой же: пепельные у корней и воронье на концах. Одни эти неотстриженные брюнетистые кончики напоминали о знойном вудистском имидже, имевшем место быть совсем недавно. Теперь Трошкина была тусклой, как дождливый день. Ее шею охватывали самодельные бусики из ореховых скорлупок, а на хрупком теле болтался прямого силуэта сарафан на веревочных лямочках. Всем своим видом это явно самодельное одеяние навевало воспоминания о мешках с картошкой, сахаром, мукой и крупами. Я кстати вспомнила, что голодна, и громко сглотнула слюнки.

– Пообедаешь со мной? – услышав этот недвусмысленный звук, любезно предложила Алка.

– А что у тебя на обед? – поинтересовалась я, не спеша соглашаться.

В период своего нездорового увлечения культом Вуду Трошкина питалась исключительно блюдами африканской и гаитянской кухни – в основном бананами в разных видах. С другими африканскими продуктами в наших широтах, прямо скажем, трудно. Меня лично подруга угощала блюдом, которое напоминало жареную картошку с грибами, хотя вместо картофеля для его приготовления были использованы незрелые бананы, а опенки заменяло мясо кальмара. Мне лже-картошка с эрзац-грибами не понравилась, зато Алкины банановые драки впечатлили даже моего папулю!

– На обед у меня ячменные проростки с простоквашей и паровая брюква, – охотно ответила Трошкина.

– Нет, спасибо, я дома пообедаю! – отказалась я.

Папулин фаршированный кабачок по-баварски уже не казался мне таким тошнотворным.

– Тогда просто зайди, посидим, записи послушаем, – предложила гостеприимная подружка. – Слышишь, какая прелесть?

Она по-птичьи склонила голову к плечу, прислушиваясь к звукам, доносящимся из комнаты. Я повторила эту пантомиму и тоже обратилась в слух, но никакой музыки не услышала. В комнате занудно чирикала какая-то пичуга, поскрипывали древесные стволы и журчала вода. Последнее меня здорово раздражало, навевая мысли о текущем унитаза бачке. С тех пор как в нашей квартире установили счетчики-водомеры, меня нервирует даже апрельская капель.

– Слышь, Трошкина, а как называется твоя новая блажь? – немного невежливо поинтересовалась я.

– Природничество, – ничуть не обидевшись, ответила Алка. – Учение об экологически чистой жизни в гармонии с природой. Потрясающе интересно и очень полезно для здоровья! Хочешь, расскажу?

– В другой раз, – ответила я, покосившись на подружкины ноги.

Ступни ее были босы, одну щиколотку охватывал кожаный шнурочек, завязанный трогательным бантиком, а на другой коричневой краской был криво нарисован кокетливый цветочек.

– Я еще зайду, – пообещала я, просовывая собственные ступни в перепонки модельных босоножек и подхватывая упаковку вредного для здоровья пива. – Как-нибудь на днях. Или на неделе.

Денис и Барклай Кулебякины благополучно проследовали в свои апартаменты на восьмом этаже, и я без происшествий вернулась домой. Разулась, избавилась от сумки и поволокла пивные банки в комнату брата.

– О, мое любимое! – обрадовался «Баварскому» Зяма. – Присаживайся, будем трапезничать. Я потихоньку из холодильника нормальной закуски натырил: вот котлетки, сыр и малосольные огурчики. Только хлеба нет.

– Я могу и без хлеба, – отмахнулась я.

– И бокалов нет!

– Могу и без бокалов. А куда присаживаться? – Я огляделась.

Мой брат Казимир – дизайнер. Свою комнату он обставил стильной мебелью, крупные предметы которой свободно можно выносить в черном ящике участникам телепередачи «Что? Где? Когда?». Чтобы угадать в отлитой из упругого полупрозрачного пластика гигантской медузе с шестью волнистыми ногами и внутренней подсветкой обыкновенный табурет, высокоразвитого интеллекта будет маловато! Понадобятся еще недюжинная интуиция и опыт практического общения с непредсказуемой богемной публикой.

– Так вот же кресло, прямо за тобой стоит! – расслабленно махнул рукой Зяма, успевший глотнуть «Баварского».

– Это? – уточнила я, через плечо показав пальцем на подобие большого веретена, в проволочной обмотке которого зияла рваная дыра.

Она была подозрительно похожа на глубокую темную нору, и заталкивать в нее свой зад, не убившись предварительно в отсутствие того острозубого грызуна, который легко перекусывает пластмассовые шнуры в палец толщиной, мне не хотелось. Но Зяма, приоткрыв один глаз, посмотрел на меня с такой насмешкой, что я решилась и опустила свой филей в проволочное гнездо. Оно оказалось неожиданно удобным, мягким изнутри, а каркас обмотки, как выяснилось, идеально поддерживал спину, плечи и голову.

– Неплохо! – признала я.

– Хорошо! – поправил меня Зяма, с вульгарным чавканьем заедая пиво холодной котлеткой. – Так о какой помощи ты хотела меня попросить?

– Ох! – Я вздохнула так, что мой проволочный кокон задрожал, как термитник, переживающий смутное время борьбы за власть. – Мне, Зямка, шеф дал особо ответственное задание – найти женщину для съемок рекламного ролика.

– Шерше ля фам, – кивнул Зяма.

– Да не просто ля фам, а сокрушительно красивую толстуху! Молодайка с телосложением раздобревшей Венеры Милосской и обаянием Елены Прекрасной!

– Ничего себе! – хмыкнул Зяма.

– Ах, если бы себе! – Я опять вздохнула, и мое кресло вновь сочувственно завибрировало. – На свой вкус я взяла бы первую попавшуюся хорошенькую пышечку, но кастингом командует лично заказчик, а этому капризному господину Хабибу никак не угодишь! Хочу, говорит, спелый персик! А где я ему этот персик возьму? Толстухи, которые попадают мне, тянут, максимум, на водянистый абрикос!

– А от меня ты чего хочешь?

– Да хотя бы совета! Кто у нас любимец всех дам в возрасте от пяти до семидесяти пяти? Ты! У тебя каких только подружек не было: и худые, и толстые, и блондинки, и брюнетки! Я даже одну лысую помню!

– Диана! – мечтательно улыбнувшись, вспомнил Зяма. – Только она не лысая была, а бритая.

– Не отвлекайся, – попросила я. – К черту бритых красоток, подумай о толстых. Главный вопрос: где они водятся?

– М-м-м. Дай подумать. – Зяма поерзал на диване, для вдохновения принял еще пива и поднял глаза к потолку. – Так. Я полагаю, пышнотелых юных дев должно быть немало в кулинарных училищах и техникумах.

– То есть в лицах и колледжах, – кивнула я. – В нашем городе подобных учебных заведений три, и я обошла их все. Дохлый номер! Упитанных девах там в самом деле полно, но все они какие-то полуфабрикатные.

– То есть сексуально неграмотные и чувственно не разбуженные? – с полуслова понял меня записной ловелас и волокита. – Ясно, сырой материал! Тогда я предлагаю тебе поискать в салонах красоты, косметических клиниках, фитнес-центрах и тому подобных кузницах модельных кадров.

– Смотрела, – ответила я. – Пышнотелые красотки туда, конечно, валят косяком. Только знаешь в чем беда? Все они мечтают похудеть!

– То есть считают свою внешность несовершенной, из-за чего комплексуют и никак не могут быть сокрушительно обаятельными и привлекательными? – догадался Зяма. – Да, Индюха, задала ты мне задачку!

Он залпом выпил третью банку пива и неожиданно предложил:

– Может, тебе в Африку слетать?

– Это еще зачем? – удивилась я.

– А вот я читал, там есть племена, которые женскую красоту измеряют в килограммах: чем дама толще, тем прекраснее! Очень подходящая к твоему случаю философия! Ты только представь, ведь там каждая толстуха глубоко и непоколебимо убеждена в своей неотразимости! Африканские мужики своих подруг в этом поддерживают и даже специально раскармливают! – с этими словами Зяма сунул в рот кусок сыра.

– Хорошая идея, но придется ее отложить до тех пор, пока господин Хабиб не распространит свою торговую сеть на Черный континент, – с сожалением сказала я. – Африканские бабы – они же черные, а мы-то белые! Негритянка никак не может рекламировать салон «Кубанский габарит»!

– Индюха, да ты расистка! – добродушно упрекнул меня братец, хрустя огурчиком.

– Вовсе нет, – не согласилась я. – Слушай! А нет ли в наших широтах какой-нибудь этнической или социальной группы, где традиционно ценят массивных дам?

– Секция женского сумо! – предложил Зяма.

– Не пойдет, – я помотала головой. – Там тетki сплошь агрессивные, а нам нужна женственная.

– Тогда я не знаю! – сдался братец.

– Ты подумай еще, ладно? – убитым голосом попросила я.

Зяма моих надежд не оправдал, а сама я уже не знала, что и придумать. Есть и пить мне от огорчения расхотелось. Я выкарабкалась из кресла, которое содрогалось, явно не желая со мной расставаться, и побрела в свою комнату.

Вытянувшись на диване, я закинула руки за голову и уставилась в белый потолок, как на пустой экран. Не знаю, чего я ждала. Может, втайне надеялась, что там чудесным образом проявится изображение искомой красотки с указанием ее домашнего адреса и номера телефона? Ничего подобного, разумеется, не произошло. Зато сверху, из квартиры на восьмом этаже, понеслись разудалые звуки псевдонародной песни в исполнении Верки Сердючки. Смекнув, что музыку завел Денис, я заворочалась. С чего бы это ему веселиться? Разве он не должен тосковать и грустить, лишившись моего общества и внимания?

– Гоп, гоп, гоп! – несло сверху.

Мое воображение услужливо нарисовало сцену пошлой гулянки, устроенной Денисом на пару с Сердючкой. Я прямо-таки видела грудастую молодайку в венке с лентами, выплясывающую малороссийский вариант канкана на уставленном бутылками столе: мониста подпрыгивают и звенят, ноги подпрыгивают и топают, груди подпрыгивают и шлепают!

– Ой! – Я и сама подпрыгнула.

Зямыны речи об африканских красотках органично соединились с моим живописным видением! Как же я сразу не подумала о том, что толстушку для рекламы «Кубанского габарита» вовсе не обязательно искать среди жительниц Кубани! Чем, к примеру, нехороша Верка Сердючка? С таким темпераментом, с такой харизмой – ей бы еще пару пудов живого веса набрать, и лучшей модели не пожелал бы даже привередливый господин Хабиб!

Я села и крепко почесала в затылке. Добраться до Сердючки не проблема, она приезжает к нам с концертами раз пять-шесть в год, а у меня полно друзей-знакомых среди телевизионщиков и антрепренеров, так что, в принципе, я могла бы организовать похищение звезды. Спрятать ее на нашей даче в Буркове, от пуза кормить высококалорийными деревенскими продуктами... Эх, времени нет, сроку-то мне шеф дал только до конца недели!

«Но ведь Верка Сердючка – это собирательный образ, разве не так?» – вкрадчиво спросил мой внутренний голос.

В свое время он вместе со мной присутствовал на лекциях по литературоведению в педагогическом и подковался по части критического анализа художественных произведений не хуже Виссариона Григорьевича Белинского.

«Узнаваемость и популярность Верки в немалой степени объясняются наличием в реальной жизни ее прототипов! – продолжал вещать внутренний. – Из чего мы с большой степенью вероятности можем сделать вывод...»

– Цыц! – гаркнула я. – Я сама знаю! Надо сбегать на рынки, куда приезжают торговать салом и сметаной пышнотелые украинские молодайки!

«И не забудь еще про вокзал и аэропорт, куда прибывают поезда и самолеты с Украины», – настоятельно посоветовал внутренний голос.

Я не стала его шугать, сочтя и это замечание толковым. И вообще хватит рассусоливать и расслаиваться! Я живо собралась и убежала из дома, позабыв, что так и не пообедала. Недавно еще тесноватая, белая костюмная юбка на мне уже болталась.

– Если так дальше пойдет, к концу недели я сама смогу рекламировать, только магазин одежды для дистрофичек и лилипуток «Пигмейский габарит»! – посочувствовала я себе.

Чтобы хоть немного утешиться – и утишить урчание в желудке, – я уже на вокзале купила с лотка горячую сосику в тесте и слопала ее в три укуса, дожидаясь прибытия пассажирского поезда Львов – Адлер.

С ним мне не повезло: единственная сдобная хохлушка-хохотушка, которая могла бы претендовать на звание финалистки конкурса роскошной красоты «Мисс Спелый Персик», оказалась проводницей. Белокурая бестия в трещащей по швам форменной одежде шестьдесят какого-то размера была очень хороша, но, чтобы заставить проводницу принять участие в кастинге и съемках, пришлось бы для начала стащить ее с подножки движущегося вагона на перрон. Сделать это без тягача с лебедкой я даже не пыталась: мы с красавицей были в разных весовых категориях. Скорее, это она легко утащила бы меня по маршруту следования поезда.

Я вообразила себе курортный Адлер в разгар бархатного сезона и почти пожалела, что не повисла на подножке вагона. Что за жизнь у меня, несчастной? Люди к морю едут, а я мечусь по городу в поисках неуловимой супердевы – в тесной обуви на каблуке, в деловом костюме, напаянном для пущей солидности, и в бутфорских очках, простые стекла которых совершенно не защищают мои глаза от яростного солнца! Мысленно я поклялась себе, что завтра отправлюсь на поиски модельной толстушки в спортивной обуви, удобном костюме для сафари и колониальном шлеме. На прокаленном вокзале мне так напекло голову, что перед глазами закружились мушки, а в ушах загудело.

Я намочила носовой платок под водопроводным краном, с непонятной целью выведенным прямо на перрон, возложила мокрую тряпочку на макушку, и вскоре назойливые черные мушки прекратили кружение и жужжание. В поле моего зрения осталось только одно натужно гудящее насекомое, оказавшееся самолетом. Уменьшаясь в размерах, лайнер вонзался в небо, тугое и синее, как воздушный шар.

– Поеду в аэропорт! – решила я, взбодрившись после холодного компресса, и зашагала к остановке экспресса.

С тех пор как Советский Союз развалился и Украина перестала быть одной из пятнадцати сестринских республик, воздушное сообщение между столицей Кубани и Киевом сохранилось лишь в усеченном варианте. Один-единственный самолет летает по этому маршруту летом, в курортный сезон. Зато этот единственный рейс теперь имеет статус заграничного, и его пассажиры проходят на посадку через роскошное здание аэровокзала международных сообщений.

Я приехала за час до вылета борта Екатеринодар – Киев и начала слоняться по прохладному залу, дожидаясь урочного появления отбывающих пассажиров и вызывая нездоровый интерес у службы охраны. Один строгий юноша в форме даже не поленился проверить мои документы. Я предоставила ему на изучение удостоверение сотрудника рекламно-информационного агентства «МБС». Рассмотрев его, секьюрити по-прежнему строгим тоном поинтересовался, что я буду делать сегодня вечером. Я с улыбкой ответила, что закладывать мины на взлетно-посадочной полосе не планирую, а мое пребывание в других местах не может быть регламентировано службой охраны аэропорта. После этого юноша перестал быть строгим, постучал пальцем по нагрудной карточке с указанием его имени и фамилии и предложил запросто называть его Димой. Я тут же перестала сожалеть о том, что поутру влезла в тесную белую юбочку и обула парадные босоножки на шпильках. Что ни говори, короткая юбка и высокие каблуки – лучшие верительные грамоты для девушки с красивыми ногами!

С кокетливым охранником Димой мы обменялись телефонами. Он, ясное дело, надеялся продолжить знакомство в неформальной обстановке, я же расчетливо подумала, что приятель, работающий в аэропорту, может мне пригодиться. Я даже решила, что имеет смысл от себя лично поручить бдительному Диме высматривать в толпе не только потенциальных террористов, но и красивых крупногабаритных девушек высокой степени привлекательности, однако

озвучить свои мысли не успела. Объявили регистрацию на киевский рейс, и в зале стало многолюдно.

Я встала неподалеку от стойки регистрации, чтобы лучше видеть пассажиров, но чопорная девица за барьером попросила меня отойти в сторонку. Кажется, ей не понравилось, что отбывающие граждане мужского пола здорово на меня отвлекаются. Я послушно передвинулась в уголок, но оттуда был плохой обзор. Тогда я прихватила с сиротеющей в углу многоэтажной проволочной полочки стопку бесплатных глянцевого журналов и гордо встала в самом центре зала словно для того, чтобы распространять это иллюстрированное издание. Журналы, действительно, расхватывали, как горячие пирожки. Причем читом в дорогу запасались не только предполагаемые украинцы, но и граждане, регистрирующиеся на рейс «Австрийских авиалиний» Екатеринбург – Вена. Впрочем, чему удивляться? Немцы ведь традиционно славятся своей экономностью.

Последний журнал какая-то любительница бесплатной периодики едва не оторвала вместе с моей рукой. Я опасно зашаталась на каблуках, с трудом выправила равновесие, обернулась, чтобы послать в спину удаляющейся хамки возмущенный взгляд и пару ругательств, и замерла с раскрытым ртом.

Ее туго обтянутая розовой трикотажной майкой загорелая спина цветом, размером и очертаниями напоминала контрабас. Причем не какой-нибудь копеечный, производства Нижнепупкинской балалаечной фабрики, а великолепный инструмент работы Страдивари или Амати! Широкая спина с аппетитным желобком плавно перетекала в мощные бедра и круто выгнутый зад, опровергающий закон всемирного тяготения. Короткие парусиновые шорты не скрывали симпатичных ямочек под коленками, а ноги, икры которых в обхвате наверняка превышали объем моей талии, были стройными, гладкими и пропорциональными, как гигантские древнегреческие амфоры. Ростом дама была с меня, но казалась великаншей. Мужчины расступались перед ней, как несерьезные айсберги перед могучим ледоколом, и надолго оставались стоять по обе стороны ее пути, как примороженные пингвины.

Я нервно сглотнула, закрыла рот и побежала, безжалостно топча пингвины лапы, вслед за гулливерской красоткой, чтобы увидеть ее в фас.

Обогнать женщину, которая перла к стойке регистрации, как боевая машина пехоты, мне удалось лишь потому, что бронетехника шла с прицепом. Дама волокла за собой нарядно одетого маленького мальчика, который злокозненно тормозил ногами и громко ревел. Низкий заунывный вой очень шел к образу броневика. Как и грозный взгляд, которым наградила меня сердитая великанша, когда я заступила ей дорогу.

– Простите, я задержу вас всего на одну минутку! – быстро заговорила я, с благоговейным восторгом созерцая мамашу маленького ревы.

Мне уже было ясно: если господину Хабибу не подойдет и эта красотка, значит, он вообще никогда в жизни не видел спелых персиков!

Весу в ней было никак не меньше центнера, и при этом каждый грамм вносил свой вклад в неделимый фонд общей красоты. Это был идеал – великий и прекрасный! Прекрасны были и золотисто-рыжие русалочьи волосы, и круглое лицо с соблазнительно пухлыми губами, и курносый нос в россыпи золотистых веснушек, и яркие голубые глаза, и все до единого три подбородка! Про декольте я вообще молчу, грудь у выдающейся красотки была такого размера и формы, что я впервые искренне поверила: свои бессмертные строки «сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди» русский поэт Некрасов писал с натуры, а не воплощал нездоровые эротические фантазии гигантомана!

– Сударыня! Не хотите ли вы сняться в телевизионной рекламе? – спросила я, с надеждой заглядывая в бирюзовые глаза могучей красотки и заранее молитвенно складывая руки.

– Мне некогда, – коротко ответила она, рывком подтягивая поближе ревущего пацана.

– Не хочу, не хочу, не хочу! – однообразно вопил капризный малец, словно подсказывая своей мамаше реплику, которая меня лично решительно не устраивала.

– У-тю-тю! Какой хорошенький мальчик! – присев, сладким голосом заворковала я. – А как этого милого мальчика зовут?

– Саса! – выдохнул милый мальчик между двумя «не хочу».

– Миша любит Сашу! – произнес откуда-то снизу ворчливый голосок.

Я едва не подпрыгнула и забегала глазами по полу, разыскивая источник звука. Дикую мысль, будто в компании с великаншей и ее крикливым отпрыском путешествует еще и лилипут, я отбросила сразу, как только увидела в руке у пацана игрушечного медведя.

Таких мягких зверей – мишек и кошек – я видела в дорожном магазине игрушек, когда ходила выбирать подарок маленькой дочке своей приятельницы. Плюшевые звери потрясли мое воображение не только ценой, но и умением произносить короткие фразы, хохотать, плакать и даже обниматься. У меня на говорящего медведя денег не хватило, а мадам великанша, видимо, оказалась более состоятельной. Ребенок явно не привык жалеть дорогие вещи: эксклюзивный костюмчик он уже извозил в пыли, и мишка, которого малец держал за лапу, волочился по затоптанному мраморному полу.

– Какой милый медвежонок! – неизобретательно похвалила я игрушку.

– Пропустите же нас! – нетерпеливо попросила мамаша. – Мы опоздаем к регистрации!

Переступив с одной большой и красивой ноги на другую, женщина нечаянно придавила медвежонок, и он снова сообщил, что Миша любит Сашу. Я лично этого неугомонного Сашу готова была возненавидеть! Если бы не этот невыносимый ребенок, его мамаша наверняка была бы более расположена к конструктивному разговору о телевизионных съемках!

– Скажите, когда вы вернетесь? Я обязательно должна встретиться с вами! – заволновалась я, цепляясь за свободную лапу любвеобильного медведя.

Великолепная красотка не обратила на эти мои слова никакого внимания и с ускорением устремилась вперед. Перекошенный состав из одного могучего паровоза с тремя разновеликими вагончиками прибыл к стойке регистрации, и там меня от поезда быстро отцепили.

«Екатеринодар – Вена», – прочитала я на табло.

Эх, далековато улетает моя «русская Венера»! Или с учетом пункта назначения правильнее будет назвать ее «Прусской»?

Я с сожалением отследила перемещение женщины с ребенком и медведем в «накопитель»: мальчик продолжал реветь, а попираемый ногами топтыгин – с мазохистским пылом признаваться маленькому хозяину в любви.

– До свиданья, мой ма-аленький ми-и-шка! – печально напела я себе под нос, словно провожала игрушечного косолапого с компанией в последний путь.

Регистрация на австрийский борт заканчивалась, а самолет в Киев уже улетел. В зале вновь стало просторно и тихо. Я увидела, что знакомый охранник приветливо машет мне рукой, и отвернулась. В этот нерадостный момент мне очень хотелось набить кому-нибудь морду, но осмотнительный внутренний голос подсказывал, что вооруженный охранник – не лучшая кандидатура на роль боксерской груши.

Никаких дел в аэропорту у меня больше не было, и я поехала домой. Авось папуля предложит полдник, которым я заменю пропущенный обед, и мое душевное состояние улучшится вместе с физическим!

Я мечтала о тишине и спокойствии, но дома оказалось почти так же шумно, как в аэропорту. Самолетный рев с успехом заменял трубный голос гостыи, в роли которой по звуку легко можно было вообразить, например, слониху, занозившую три ноги из четырех. Четвертая конечность слонихи определенно была в норме, потому что звериный рев сопровождался гневным топотом. У соседей снизу побелка с потолка должна была сыпаться, как перхоть в рекламе шампуня!

– Не пугайся, у нас в гостях Любаша, – поторопился предупредить папуля, открыв мне дверь.

Зяма высунулся из кухни, где они с папулей малодушно отсиживались, и призывно замалхал одной рукой. Другой он выразительно жестикулировал, призывая меня к молчанию. Я поспешила избавиться от предательски цокающей обуви и потихоньку укрыться в пищеблоке – подальше от гостиной, где бушевал редкий по накалу страстей скандал.

Ругались двое – Любаша и наша мамуля, а шум стоял, как в разгар битвы при Бородине. По обрывкам фраз, доносившихся до недостаточно звукоизолированной кухни, мне удалось понять, что причиной нешуточной ссоры старых добрых приятельниц стал производственный момент. Наша мамуля – популярная писательница, успешно подвигающаяся в жанре литературного кошмара, а Любаша, она же тетя Люба или Людмила Семеновна Крошкина, – ее бессменный ведущий редактор. Она сопровождает мамулины произведения от письменного стола автора на всем замысловато петляющем пути по коридорам издательства и вплоть до типографии. Обычно мамуля и Любаша воркуют, как голубки.

– А что случилось? – шепотом поинтересовалась я, опустившись на диванчик и вытянув гудящие ноги.

– Она все-таки сделала это! – ответил Зяма.

В продолжение и развитие сказанного он изобразил небольшую пантомиму: схватил себя двумя руками за горло, выкатил глаза, вывалил язык, захрипел и повалился на бок, придавив меня на диване и локтем сбив со стола соусник. Посудинка грохнулась на пол и разбилась, а вылившийся из нее кетчуп запятнал мои белые одежды некрасивыми пятнами.

– Это же был мой парадно-деловой костюм! – возмутилась я, отпихнув Зяму, который не заметил произведенных им разрушений и продолжал биться в конвульсиях.

– Что? – Братец ожил. – А, пустяки! Я тебе подарю новый костюм, по-настоящему нарядный!

– Не надо! – испугалась я.

Зяма как настоящий художник-авангардист щеголяет в таких нарядах, один вид которых мог бы довести до самоубийства стайку завистливых райских птичек. Я не хотела превратиться в попугаиху!

– Лучше деньгами, – добавила я.

– А вот с деньгами у нашего семейства теперь могут начаться проблемы! – вздохнул Зяма. – Мамуля-то наша какова, а? Решительно и бескомпромиссно закопала финансовый источник!

– Да объясните вы мне толком, что такого натворила наша мамуля? – рассердилась я.

Папуля молча протянул мне пачку бумажных салфеток, чтобы промокнуть томатные пятна.

– Она грохнула Кузю! – ответил Зяма голосом, в котором смешались ужас и восторг.

Типичная реакция на мамулины произведения!

– Правда? – Я недоверчиво посмотрела на папу.

Он кивнул. Я так удивилась, что даже перестала оплакивать свой погубленный костюм. Надо же, мамуля наконец-то убила Кузю! Поверить в это было трудно.

– Как говорил Иоанн Грозный: «Я тебя породил, я тебя и убью!» – пробормотала я, имея в виду сложные взаимоотношения нашей мамули с убиенным ею Кузьмой.

Кузей она окрестила персонаж, которого придумала несколько лет назад. Происхождения он был смутного – рязанский вурдалак по отцовской линии и трансильванский вампир по материнской, темперамент имел взрывной, как Везувий, а характер – легкий и ироничный, насколько это возможно для представителя нечистой силы из отряда кровососов. Вдобавок мамуля щедро наделила Кузю задатками лидера, так что апатичная нежить, залежавшаяся на тихих отечественных погостах, получила в его бледном лице прекрасного организатора

и руководителя. Кузьма стал главным героем целой серии произведений, которые снискали мамуле бешеную популярность. С появлением Кузи мамулины книжки стали продаваться так хорошо, что издательство отпочковало их от цикла «Женские ужасы», выделив в самостоятельную серию «Семейный кошмар». За пять лет мамуля написала двадцать пять романов с Кузей в главной роли, и эта жестокая эксплуатация вампира человеком оказалась весьма прибыльной. Смерть Кузьмы могла существенно уменьшить мамулины гонорары.

– Любаша очень недовольна, – точно угадав, о чем я думаю, со вздохом сказал папа. – Она требует возвращения Кузьмы, опасаясь резкого падения спроса.

– А мамуля ни в какую не хочет возвращать Кузю в мир живых! – добавил Зяма. – Говорит, она от него жутко устала! Он ее связывает по рукам и ногам, не оставляя никакого пространства для творческого маневра!

– Слушайте, а как она его... того? – спросила я, изобразив купированную версию Зяминной пантомимы.

– Грохнула-то? – правильно понял меня братец. – О, мамуля сделала это красиво! В финале ее последней повести Кузя имел неосторожность прогуляться по системе подземных коммуникаций от своего комфортабельного склепа до заброшенного кладбища, над которым соорудили поле для гольфа. Ну, вылез он, как водится, из сырой земли – бледный, но с располагающей улыбкой, обнажившей начищенные до блеска глазные клыки. В общем, душка-вампирчик! А какая-то нервная новорусская дамочка с перепугу возьми да и долбани красавчика по темечку своей клюшкой для гольфа!

– Пардон! – с претензией встряла я. – Это абсолютно недостоверно! По всем канонам, вампира нельзя убить ударом по голове! По правилам его надо пронзить осиновым колом!

– В том-то и фишка, что клюшка у дамочки была деревянная и как раз из осины! – радостно закивал Зяма. – От удара о Кузину голову она сломалась, и получился превосходный кол, которым дамочка начала фехтовать! Эх, не повезло Кузе! Ну, помянем беднягу!

Тут только я заметила, что на столе, помимо еды, имеются рюмки. Две были пусты, а третья полна до краев и аккуратно накрыта кусочком хлеба. Я поняла, что папуля с Зямой душевно поминали усопшего Кузю.

За этим тоскливым разговором мы незаметно поужинали. Судя по отсутствию в меню экзотических блюд, папулю как художника здорово деморализовали шумные разборки. Шедевров кулинарного творчества в меню не наблюдалось. Самым рискованным гастрономическим сочетанием на столе был кривобокий бутерброд с арахисовым маслом, колбасой и помидорами, собственноручно сооруженный Зямой.

– И что теперь? – слопав свой оригинальный сэндвич, озабоченно спросил братец.

Поскольку одновременно с этим он зорко оглядел опустевший стол, я решила, что Зяма интересуется десертом. Однако опечаленный папуля понял его иначе.

– Теперь надо надеяться, что мамуля с Любашей придут к компромиссу, – вздохнув, сказал он.

– Что, компромисс с мамулей? – я недоверчиво фыркнула. – Как же! Долго ждать придется!

В памяти еще были свежи мои собственные яростные перепалки с родительницей: лет десять назад, когда у нас был одинаковый размер обуви, мы ежеутренне спорили, кто наденет лучшие туфли. «Великое башмачное противостояние», как называл нашу маленькую войну ехидный Зяма, продолжалось почти два года. Потом как-то разом выросли и мои ноги, и благосостояние нашей семьи, и туфельный кризис потерял свою остроту. Но я не забыла, как настойчиво и аргументированно умеет доказывать свою правоту наша разносторонне образованная мамуля!

– Пожалуй, я пойду прогуляюсь! – решила я.

– А у меня в двадцать один ноль-ноль деловая встреча! – сообщил Зяма, взглянув на настенные часы, стрелки которых едва перевалили за пять часов. – Времени в обрез! Папульчик, ты помоешь посуду? Я приму ванну и буду собираться.

Я великодушно удержалась от ехидного вопроса, что это за деловая встреча, которая требует предварительного принятия ванны и трехчасовых сборов. У меня ведь тоже не было никакой необходимости в прогулке, кроме желания удалиться подальше от словесной баталии мамули и Любаши. Битва литературных титанов грозила затянуться, как война мышей и лягушек в пародийном древнегреческом эпосе.

Решив дожидаться ухода Любаши в виноградной беседке у подъезда, я даже не стала переодеваться. Если я буду спокойно сидеть на лавочке, чинно сложив руки на коленках, томатных пятен на моей юбке никто не увидит.

На сей раз мне хватило ума обуть не босоножки на каблуках, а удобные легкие тапочки, так что затяжной спуск по лестнице дался мне без труда. Тем более что дошла я только до пятого этажа и там остановилась, засмотревшись на дверь двадцать первой квартиры.

Чудачка Трошкина украсила ее подобием косматого венка из какой-то полузасушенной растительности. Возможно, в Алкином понимании это был наш кубанский аналог тех нарядных еловых венков, которые американцы вывешивают на дверях своих домов в знак гостеприимства. С моей точки зрения, за декоративное украшение растрепанный сноп тощих колосков не канал, а в качестве приглашения заглянуть на огонек мог заинтересовать только очень голодное жвачное животное.

Высоко подняв брови, я критически разглядывала эту жалкую помесь гербария и икебаны и вдруг заметила, что из квартиры валит сизый дым!

Растяпа Алка только на прошлой неделе потеряла последний ключ от своего жилища и вынуждена была поставить новый замок. На месте старого, который пришлось грубо выбить, все еще зияла дырка. Именно из нее шел дым, показавшийся мне нестерпимо вонючим.

Я мгновенно придумала этому вполне правдоподобное объяснение. Видимо, Трошкина дошла в своем новом увлечении природничеством до полного угара – во всех смыслах! Запалила в комнате пасторальный костерчик, поджарила на палочке пару лесных сыроежек в дополнение к основному блюду из брюквы с проростками, а потом сожрала свои галлюциногенные грибочки и отключилась, не затушив дымящий очаг на паркете!

Я толкнула дверь, но она была закрыта. Вышибать двери, даже самые обыкновенные, деревянные, я не умею, поэтому и пробовать не стала. В моем представлении ловко пробивать заградительные сооружения собственными крепкими плечами, ногами и головами должны физически сильные мужчины героических профессий – в диапазоне от слесаря-сантехника до представителя вооруженных сил. Разумеется, я не могла забыть, что один такой боец невидимого фронта живет прямо надо мной, и побежала за помощью к Денису Кулебякину.

Дверь распахнулась даже раньше, чем затихла трель звонка, потому что Денис и Барклай как раз вышли в прихожую, собираясь на прогулку.

– Скорее! Там Трошкина погибает! – выкрикнула я в лицо своему любимому менту.

От волнения я изъяснялась невнятно, но умница Денис не стал уточнять, где и как именно погибает Трошкина. Как настоящий герой, он без расспросов и раздумий бросился на помощь! Так же героически проявил себя и бассет. Оба полетели соколами!

К сожалению, мой собственный полет был лишен всяческой красоты, хотя я тоже не задержалась с разворотом. Но Денис ринулся вперед, обходя меня справа, а Барклай рванул слева, и соединявший пса и хозяина прочный кожаный поводок подсек меня под колени!

Стартовала я так резко, что в нашем спонтанном спринтерском забеге по трем условным дорожкам один лестничный марш, безусловно, лидировала, но на первом же повороте Денис и Барклай меня обошли. Когда, стерев животом пыль с дюжины ступенек, я затормозила на площадке между восьмым и седьмым этажом, парни уже приближались к пятому. Замешкавшись,

первый – неудачный – наскок Дениса на Алкину дверь я пропустила, но зато второй дубль увидеть успела и даже залюбовалась, как слаженно и результативно действовали Денис и Барклай!

Мой милый с разбегу бухнул в дверь ногой. Дерево затрещало, Денис мужественно выматерился, схватился за колено и подался в сторону. Благодаря этому бассет получил беспрепятственный доступ к перекосившейся преграде и успешно завершил штурм, поднявшись на задние лапы и толкнув дверь передними.

– Апчхи! – оглушительно чихнул Денис.

– Что она там запалила, идиотина? Пластиковые стаканчики из-под мороженого? – озадаченно бормотала я, медля нырять в клубы густого сладковатого дыма с отчетливым привкусом ванили.

– О, черт! – громко вскричал Денис, которого я потеряла из виду сразу, как только он вошел в квартиру.

Зато я заметила белый конверт, который раньше, наверное, торчал в двери, а теперь валялся на полу. Я машинально подобрала его и повертела в руках: обычный конверт, чистый, без всяких надписей и почтовых отметок.

Тут Барклай, скуля, как щенок, выбежал из задымленной квартиры на лестницу и уселся на цементный пол, елозя лапой по морде. Выглядело это так, будто пес плакал и вытирал слезы. Я испугалась, что с Трошкиной случилось нечто такое страшное, чего не смогла вынести даже тренированная милицейская собака. Может, Алка наложила на себя руки? Вот и конверт какой-то подозрительный нашелся, не иначе с последним «прости»!

В тревоге за судьбу подружки я ворвалась в дымное облако, как реактивный самолет в грозовую тучу.

Конечно, я не хотела наступить на Алку! Я ведь знать не знала, что она лежит на полу задымленной комнаты, сложив ручки на груди и тихо улыбаясь, как великомученица, радующая своему долгожданному переходу в мир иной! А под Алкиными руками на ее чахлой груди багровело некрасивое пятно, похожее на красную звезду с кривыми, как пиявки, лучами.

Если бы я созерцала эту сцену дольше, чем долю секунды, то могла бы здорово испугаться! Впрочем, я и так испугалась, когда придавленная моими ногами Трошкина неожиданно широко распахнула глаза заорала:

– Мама! – и сначала села так резко, словно в пояснице у нее был шарнир, а потом задом наперед с умопомрачительной скоростью уползла в угол и спряталась там за занавеской.

– Мама! – эхом повторила я, хватаясь за сердце.

Кровавая клякса на груди у Трошкиной живо напомнила мне недавние внутрисемейные разговоры об убийстве с помощью подручных предметов из осиновой древесины. Вдобавок, у подружки было круглое красное пятно на лбу, имевшее такой вид, будто Трошкиной между бровей всадили пулю. Впрочем, с такой трактовкой оригинального макияжа никак не вязалась живость, проявленная Алкой при отступлении за шторы. Разве что Трошкина была зомби, нехарактерно пугливым для нормального живого мертвеца.

– Мать вашу, девки! – выругался Денис.

Он помахал руками, разгоняя дым, и, убедившись в тщетности своей попытки, широко шагнул к окну. Прячущаяся за гардинами Трошкина завизжала, как макака, и задержалась, обрывая занавеску с крючков.

– Да цыц ты, поджигательница! – прикрикнул на нее Денис и настежь распахнул окно.

Образовавшийся сквозняк быстро вытянул из комнаты дымное облако. Из прихожей, цокая по паркету когтями, прибежал любопытный Барклай.

– Трошкина, признавайся, ты чем тут занималась?! – не скрывая возмущения, закричала я.

Алка высунула из-за шторы бледную физиономию, поморгала, вынула из ушей наушники плеера и произнесла:

– А?

Вид при этом у нее был совершенно дебильный.

– Алка, – мягко, как самой настоящей сумасшедшей, сказала я. – Что у тебя сгорело?

– Предохранители! – пробурчал Денис, выразительно покрутив пальцем у виска.

– Да нет же! Какие предохранители? Это вот! – возразила Алка, жестом указав на низкий стеллаж.

На его верхней полке в ряд стояли три разномастные вазы, две стеклянные банки и одна жестяная лейка самого допотопного вида – помятая и без рассекателя на носике, из которого продолжал валить дым.

– Мечта пчеловода! – сказал Денис, взглянув на эту лейку.

А я засмотрелась на пол-литровые банки, наполненные какими-то лысыми черными черенками, густо засыпанными пеплом.

– Это ароматические палочки, – пояснила Трошкина, вылезая из-за занавесок и быстро обретая былой апломб. – Довольно много ароматических палочек... А вы, вообще, как вошли-то? Я вроде заперла дверь!

Из дальнейшего сумбурного разговора, густо пересыпанного нестрашными ругательствами, выяснилось, что правоверная природница Алка решила устроить себе сеанс медитации, для чего воскурила благовония в количестве, превышающем все нормы пожаробезопасности, надела майку с изображением солнца мира, намалевала себе на лбу третий глаз и улеглась на пол с плеером – слушать звуки живой природы. Так что мы совершенно зря приняли ее за представителя природы мертвой и также напрасно выбили дверь, отдавили Алке руку и наследили на паркете, который специально был начищен до зеркального блеска ради пущего удовольствия при лежке на полу!

– Ладно, Алка, не ной: я поставлю тебе новый замок, – со вздохом пообещал Денис.

– А я возьму себе ключ от него, чтобы не ломать дверь всякий раз, когда ты будешь сливаться в экстазе с мирозданием! – добавила я. – Правда, Трошкина! Нельзя же быть такой дурой!

– Кто бы говорил! – проворчала Алка, которой прерванный сеанс медитации не добавил благодушия.

Денис хмыкнул, крепко взял меня за локоть и сказал:

– Дорогая, пойдем-ка прогуляемся!

– Подышим свежим воздухом! – кивнула я, демонстративно помахав перед лицом ладошкой и сморщив нос.

– И новый замок купить не забудьте! – крикнула нам вдогонку Трошкина.

На лестнице я произнесла:

– Ах, мне нужно переодеться! – и попыталась удрать, но у милого была стальная хватка – я прямо посочувствовала правонарушителем! И с завистью посмотрела на спущенного с поводка бассета.

– Давай-ка побеседуем! – не обращая внимания на мое трепыхание, сказал Денис.

Я скинула: он тянул меня к той самой укромной виноградной беседке, которая была моей целью четверть часа назад. Уединяться там с Денисом мне совсем не хотелось: я обоснованно предвидела, что позабытый-позаброшенный жених начнет выяснять отношения – не исключено, что в жесткой профессиональной манере!

Мечтая уклониться от допроса с пристрастием, я затравленно оглядела двор и увидела над детской песочницей белое облако, неприятно похожее на ядерный гриб: кто-то из заботливых родителей затенил песочницу простыней, набросив ее на остов давно развалившегося навеса. Позыв шмыгнуть под сень ядерной поганки был сильным, но бесперспективным. Однако одновременно с простынной палаткой в поле моего зрения попала морда припарко-

ванной вблизи песочницы синей «Ауди». Я узнала личный автомобиль Дениса и моментально придумала, как избежать неприятного разговора.

– Придумал тоже! Там Алка сидит за разбитой дверью, а мы будем на лавочках расслаиваться, языками чесать! – укорила я милого. – Надо сначала новый замок Трошкиной купить, пока магазины не закрылись!

– Заботливая! – Денис насмешливо хмыкнул, но направление движения изменил.

Убедившись, что мы направляемся к «Ауди», я облегченно вздохнула: в ближайшее время разборки мне не грозили, Денис очень ответственно относится к процессу вождения автомобиля и никогда не ведет важных разговоров за рулем.

– Кстати, когда я увидел твою подружку с отметиной на лбу и в окровавленной майке, то подумал, что это ты ее пришила! – любезным тоном сообщил Денис, сопровождая меня к машине.

– С чего это?! – изумилась я.

– А ты на себя посмотри!

Я добросовестно попыталась представить, как выгляжу со стороны, и неохотно признала, что Денис в чем-то прав. У меня была наружность асоциальной личности! Брюхо серое, грязное, как у рыбины, которую садистски долго тянули по речному берегу на леске спиннинга. Половины пуговиц на жакете не хватало, полы кое-как удерживали вместе только две крайние застёжки, в промежутке между которыми образовалась некрасивая дыра – словно разрез в брюхе той же самой рыбины, только уже выпотрошенной. Довершали картину в высшей степени подозрительные кроваво-красные пятна на юбке.

– Может, не стоит тебе сейчас никуда ехать? В таком-то виде? – вкрадчиво спросил Денис, и я догадалась, что он тоже пытается помаленьку интриговать, добиваясь возможности тет-а-тет провести со мной воспитательную беседу с пристрастием.

– Ничего, поехали, просто не буду выходить из машины! – я быстро нашлась с ответом.

Тут уж Денису ничего не оставалось, как свистнуть Барклая и усадить нас в машину.

– Дверцей не хлопай! – немного сердито сказал мне милый.

После этой инструкции мы оба надолго замолчали: «Ауди» выкатилась со двора.

Пятрас Арвидович Спринжунас был плодом страстной любви анекдотически горячего литовского парня и уроженки Воронежской губернии. Гибрид оказался вполне жизнеспособным, но красотой не блистал. Волосы, брови и ресницы у Пятраса были соломенного цвета. Они росли на соответствующих местах мелкими пучками и выглядели так, словно их, как рассаду, заботливо пересадили на Пятраса с зубных щеток из свиной щетины. Как органичное дополнение общему свинству смотрелся и нос, до того похожий на круглую электрическую розетку, что подросший Пятрас не решался подолгу задерживаться в магазинах электротоваров и бытовой техники.

Некомфортное для кубанской артикуляции имя ласковая маменька переделала в Петрушу, а в школьные годы Пятрас получил пару прозвищ – Пятак и Пятачок. Причем первый вариант Пятрас-Петруша скрепя сердце терпел, потому что оно ассоциировалось с денежкой, а второй на дух не переносил, считая обидным пороссячим именем.

Когда маленький Пятачок вырос, законов природы он не опроверг и превратился в грузного розового хряка с волосатыми ушами и курносый пятачком, зажатый между тугими щеками. Девушки Пятака не любили, друзьями он не обзавелся, с родителями общался редко и вообще не особенно симпатизировал людям. Ему очень нравилось, когда по телевизору сообщали о катастрофах с массовыми жертвами.

Отчетливая склонность к мизантропии не позволила Пятаку выбрать общественно полезную профессию. По правде говоря, наиболее приятной ему казалась работа тюремного надзирателя, но соответствующей вакансии в нужный момент не нашлось, поэтому сразу после

окончания школы Пятак устроился работать швейцаром в гостиницу «Казбек». В отеле было не так интересно, как на живодерне, куда Пятачок подростком втихаря таскал соседскую четвероногую живность, но зато страж гостиничных врат имел определенную власть над людьми. Пятак с откровенным злорадством шугал постояльцев за нарушение гостиничного режима, а также «держал и не пушал» дальше крыльца посторонний народ.

Радикальную перемену в размеренной жизни Пятака произвел капитальный евроремонт, из-за которого отель закрылся на три месяца. Вернувшись из затяжного отпуска, швейцар обнаружил, что его должность из штатного расписания вычеркнули напрочь. Новые раздвижные двери с фотоэлементами сильно упростили процесс впуска-выпуска граждан, сделав абсолютно ненужным присутствие в вестибюле живого цербера. Так Пятак потерял работу, а заодно и последние иллюзии. Отныне у него не было никаких сомнений в том, что современное человечество Пятраса Спринжунаса ненавидит, и Пятрас готов был ответить человечеству тем же. Поразмыслив, он решил срочно переквалифицироваться в киллеры.

Представить себя заинтересованной публике в новом качестве Пятак решил через Интернет. Присвоив себе красивое имя «М-р Реллик», которое при прочтении наоборот легко превращалось в «киллер», Пятрас разместил в сети простое и понятное объявление: «Опытный специалист принимает заказы по городу и краю. Быстро, качественно, недорого. Оптовикам скидки. Предоплата пятьдесят процентов».

Пятак сознательно ограничил географию своей новой деятельности городом и краем. Он полагал, что хороший киллер должен легко ориентироваться на местности, следовательно, местность эта должна быть ему знакома как свои пять пальцев. Пятак уверенно чувствовал себя только в родном городе и его ближних пределах: прежде он мало путешествовал, к тому же страдал топографическим идиотизмом. То есть заплутать в трех соснах он не мог, но заблудиться на незнакомой улице – запросто. Это, конечно, не красило его как потенциального киллера, но дилетант надеялся по мере своего превращения в матерого профи обрести все необходимые качества. Пять-десять удачно выполненных заказов по городу и краю – и можно будет начинать осваивать новые города и области, предварительно закупив подробные карты, схемы и атлас автомобильных дорог!

Впрочем, Пятак не собирался спешить и планировал расширять свое деловое присутствие в регионе постепенно. На просторы России он предполагал выйти после того, как почувствует себя как рыба в воде хотя бы в Южном федеральном округе.

Новоявленный киллер был амбициозен, но основателен. Определившись с границами своей маленькой, но уютной бизнес-ниши, он принялся деятельно ее обживать и обустраивать. В качестве учебных пособий Пятак прикупил на книжном рынке с десяток новых детективов из тех, в которых матерные выражения существенно преобладают над нормативной лексикой, а количество трупов на единицу печатной площади превышает демографические показатели Республики Китай. Бегло ознакомившись с профессиональной литературой, он скомплектовал небольшой набор орудий труда. В укромной кладовке своего персонального однокомнатного киллерского логова Пятак наскоро собрал простенький арсенал. Одну полку занимало огнестрельное оружие, на данном этапе представленное дедовским обрезом, на другой начинающий киллер рядом, как аккуратный повар, разложил колющий и режущий инструмент в диапазоне от шила до электрической пилы. Верхнюю полку занимали разнообразные шнуры, веревки и детская резиновая скакалка, претендующая на звание удавки. Там же хранились яды – порошок от садовой плодоярки и уксусная кислота в маленькой бутылочке. Экономный Пятак полагал, что для начала этого вполне достаточно. Вот пойдет бизнес – можно будет делать вложения в его расширение!

Чтобы успешно конкурировать с другими наемными убийцами, плату за свои услуги Пятак решил брать небольшую, в зависимости от сложности конкретной работы. Вопрос с получением денег решился все в том же Интернете: какая-то фирмочка, зарегистрированная

на Мальдивах, выражала готовность обналичить любые перечисленные на ее счет суммы хоть в американских долларах, хоть в белорусских «зайчиках» за вполне приемлемый процент.

Дуракам везет: заказчик, желающий по сходной цене воспользоваться киллерскими услугами не где-нибудь, а именно в родном городе Пятака, нашелся очень быстро. Воодушевленный Пятак по электронной почте согласовал с заказчиком сумму своего гонорара, получил описание и адрес жертвы и сразу после получения мальдивской фирмочкой пятидесятипроцентной предоплаты принялся за дело.

Меня вынужденное молчание несколько не тяготило: устроившись на заднем сиденье – подальше от Дениса, – я тискала Барклая, который радостно принимал мои ласки и норовил в ответ слизнуть с моего лица остатки косметики. Денис в зеркальце заднего вида посматривал на нас с откровенной завистью.

– Приехали, – ворчливо сообщил он через несколько минут и заглушил мотор.

Я выглянула в окошко и увидела вывеску магазина «Мир замков».

– Подходящее название для рая, в который пускают только медвежатников! – хихикнула я.

Денис криво усмехнулся и полез наружу, напоследок велел нам с Барклаем ждать его в машине.

– Как будто у меня может возникнуть желание бегать по городу в таком виде! – фыркнув, сказала я собаке.

После чего бросила укоризненный взгляд на удаляющегося Дениса, и желание выскочить из машины у меня мигом возникло!

Поспешая к крыльцу «Мира замков», Денис пересек дорогу женщине с детской коляской, та притормозила, воспользовалась заминкой, чтобы поправить шапочку на голове ребенка, и я получила прекрасную возможность рассмотреть и экипаж, и его маленького пассажира.

Коляска, стилизованная под лаково-красный гоночный болид на трех колесах, сама по себе была необычным зрелищем, однако я засмотрелась не на нее, а на ребенка. Защитный колпак «болида» с тонированными стеклами был поднят, и мне был виден мальчик лет двух. Если бы меня в тот момент спросили, почему я решила, что это именно мальчик, а не девочка, я затруднилась бы с ответом. Вероятно, подсознательно я считала, что коляска в виде гоночной машинки больше подходит ребенку мужского пола. Зато яркий костюмчик – розовый с зеленым, украшенный меховой аппликацией и цветными шнурками, – скорее сгодился бы девочке. Впрочем, тогда я об этом не думала. Я просто узнала детский наряд: точно такой же броский костюмчик был на ребенке, улетевшем в Вену вместе с великаншей, о которой грезил господин Хабиб!

Признаться, лица того ребенка я не запомнила, да и мудрено было толком рассмотреть гримасничающую мордашку маленького ревы, но зато я не могла забыть разговорчивого плюшевого медведя, который неумоимо уверял хозяина в своей животной любви. Невероятно, но у мальчика в гоночно-прогулочной коляске тоже был такой игрушечный топтыгин!

Я поспешно опустила боковое стекло, чтобы выглянуть из окошка и рассмотреть сопровождающую ребенка женщину, но невоспитанный Барклай меня опередил. Он высунул морду из машину и приветственно пробасил:

– Гау!

Ребенок от неожиданности крепко сжал медвежонка, и тот громко произнес:

– Миша любит Сашу.

– Не Шашу, не Шашу! – рассердился малыш.

– Тише, тише, милый! – заворковала женщина, придавая прогулочному «болиду» ускорение.

Я разинула рот. Тот самый костюмчик, тот самый медвежонок и то самое имя – для случайного совпадения это было уже слишком! Разумеется, это был тот самый ребенок, которого я видела в аэропорту!

– Значит, они не улетели! – шизоидно забормотала я, отпихивая в сторону растопырившегося перед дверцей Барклая. – Значит, я могу побеседовать с красавицей-мамой и ангажировать ее на съемки в рекламе!

Барклай, вообразивший, будто я затеяла новую веселую возню, никак не желал понять, что я просто хочу пробраться мимо него к выходу. Борьба с некстати разыгравшимся псом заняла некоторое время. Когда я вывалилась из машины на тротуар – вспотевшая, растрепанная, в расхристанном жакете и запятнанной юбке, – женщина с коляской уже исчезла. Теряя тапки, я пробежалась до угла – за поворотом начиналась тихая улочка, застроенная симпатичными особнячками, прячущимися за неприступными заборами. Вероятно, трехколесный «болид» закатился в один из этих дворики. Но в какой именно? Улица была пуста. На выложенной красной плиткой мостовой не осталось никаких следов. В сердцах я прокляла дорожное благоустройство: была бы здесь обычная для частных кварталов непролазная грязь, в ней надолго остались бы не только следы коляски, но и сам экипаж!

Мысли о следах заставили меня вспомнить о тех, кто традиционно считается непревзойденными спецами по их обнаружению, – о собаках, конечно же!

– Барклай, твой выход! – пробормотала я, рысью возвращаясь к синей «Ауди».

Прохожие опасливо сторонились меня. Я не обращала на них внимания.

Барклай тоже вылез из машины, но в отличие от меня никуда не убежал, а чинно сидел на тротуаре у распахнутой дверцы. Его заинтересованность происходящим выдавал только наклон головы, в результате которого длинные уши бассета перекошились, как ведра на коромысле.

– Красная коляска в виде гоночной машинки! – присев на корточки выдохнула я прямо в собачью морду. – Она проехала тут пару минут назад! Помнишь? В коляске сидел мальчик в зеленой шапочке с завязками. – Я руками нарисовала в воздухе затейливые вензеля, изображающие завязки детской шапочки.

Судя по моим жестам, можно было подумать, что головной убор закрепили под подбородком малыша тройным морским узлом.

– Мальчик в коляске, понимаешь? – Я вытянула перед собой руки и повозила ими взад-вперед.

Барклай переложил голову на другое плечо, продолжая смотреть на меня с доброжелательным любопытством психиатра, диагностирующего очень интересный случай.

– У него еще мишка был! – не сдавалась я.

Показывать мишку любящие родители научили меня еще в нежном возрасте двух лет: я скривила стопы, свесила руки до колен и, покачиваясь, как заводная игрушка, басовито напела забываемое:

– Мишка косолапый по лесу идет! Шишки собирает, песенки поет!

Вероятно, в отрететированной с раннего детства роли Топтыгина я была достаточно убедительна, потому что на слове «песенки» Барклай издал низкую горловую ноту, отклеил попу от асфальта и деловито потрохал за угол. Продолжая косолапить, я заковыляла следом.

– Гау! – победно возвестил пес, возложив лапу на глухую металлическую калитку.

– Гау-гау, гау, гау! – тотчас же понесся истеричный лай с другой стороны забора.

В узкую щель между нижним краем калитки и тротуарной плиткой высунулась одна тонкая мохнатая лапка и блестящий нос, похожий на черную пуговку, нашитую на белую кроличью шубку. Барклай с брезгливым интересом обнюхал фрагменты несерьезного противника, фыркнул и, очевидно, сочтя ниже своего достоинства лаяться с болонкой, неторопливо, враз-

валочку, двинулся в обратном направлении – к Денисовой машине. Я осталась под забором одна – не считая хозяйской собачонки, конечно.

Ничего похожего на звонок вблизи калитки не наблюдалось, поэтому я тихонько прижала тапкой собачью лапу, и обиженная болонка залилась такой трелью – куда там курскому соловью!

– Чего надо? – из щелочки, которую я приняла за прорезь почтового ящика, донесся хриплый голос неопределенной половой принадлежности.

– Хозяйка нужна, – уверенно отозвалась я.

– Чего надо? – повторил голос. – Мы с рук ничего не берем, идите себе дальше!

– Сами идите! – рассвирепев, рывкнула я в щелочку динамика. – Совсем обнаглели, буржуи проклятые! Второй раз заказное письмо приношу, а двери никто не открывает, а почтового ящика на заборе и в помине нет! Вот останетесь без своей корреспонденции – не жалуйтесь потом!

Выкрикивая эти угрозы, я выворачивала карманы своего жакета, торопясь отыскать конверт, подобранный в прихожей у Трошкиной. Так, листок перепрятать в карман юбки, эту писульку я потом прочитаю... А что же затолкать в конверт, чтобы он не был предательски тонким и легким? Я не нашла ничего лучшего, как сунуть туда собственный носовой платочек. Разрушения, коснувшиеся моего костюма, батистовый сморкальничек не затронули, он остался чистым, отутюженным, крахмально-жестким и идеально подошел по размеру.

Я прошлась кончиком языка по клеевой полоске на клапане конверта и припечатала его кулаком, когда калитка бесшумно приоткрылась. В щель высунулась голова в лиловых ежиках бигуди, очках для подводного плавания и стерильной медицинской маске.

Маска меня особенно озадачила. А нет ли где-нибудь над забором камеры слежения, талантливо замаскированной под скворечник или осиное гнездо? Может, бигудястая тетка увидела меня, всю такую растрепанную и сильно септическую, на экране монитора и прежде, чем открыть дверь, срочно напялила маску, спасаясь от возможной заразы? А плавательные очки ей в таком случае зачем? Чтобы милостиво скрыть от меня слезы, навернувшиеся на глаза добропорядочной гражданки при виде такого жалкого зрелища, как я?!

Гражданка тем временем просунула большие пальцы под резинки очков и переместила окуляры на голову, занятно пристроив их поверх бигуди, которые после этого стали походить на морских ежей.

– Лук резала! – вполне добродушно сообщила она мне. – А очки – отличная защита.

– Да что вы? – вежливо отозвалась я, подумав, что нужно уведомить об этом ноу-хау папулю. А то он, спасаясь от едких испарений, прищуривает глаза так, что рискует покрошить вместе с луком собственные пальцы! – А маска зачем?

– Аллергия у меня на амброзию! – скороговоркой ответила моя собеседница и в подтверждение сказанного оглушительно чихнула.

– Будьте здоровы! – сказала я.

– Спасибо. – Тетка вытерла заслезившиеся глаза уголком передника и внимательно осмотрела меня, отчего ее взгляд сразу построжал и налился густым, как чернила, недоверием. – А вы кто? Вы не почтальон!

– Конечно, не почтальон! – с готовностью призналась я. – Почтальонам хорошо, им даже оружие носить разрешается, а нам, специальным курьерам, никакой защиты не полагается. Мы бегаем, значит, ноги в кровь сбиваем, а нас толкают, пихают, грязью из-под колес обдают и собаками травят!

Живописуя тяготы жизни специальных курьеров, я так разжалобила свою очкасто-бигудястую собеседницу, что она громко шмыгнула носом. Впрочем, не исключено, что это вновь проявил себя поллиноз.

– Да неужто это наша Жаннетка вас так уделала? – плаксиво хлюпая, тетка нашла глазами белобрысую болонку.

Собачонка вышмыгнула со двора и сидела на тротуаре, нервно ерзая попой и пристально глядя вдаль. Я заподозрила, что мужественный бассет Барклай Кулебякин, сам того не ведая, с ходу покорило трепетное сердце нежной болонки.

– Нет, это не Жаннетка. – Я глянула на свой замурзанный костюм и удержалась от клеветы на гавкучую собачонку. – Это я случайно присутствовала при столкновении газонокосилки с тележкой продавца хот-догов. Скажите, а вы и есть хозяйка дома?

– Что вы! Я кухарка! – вскричала моя собеседница тоном королевы, которую приняли за какую-то там паршивую графиню.

– А мне хозяйка нужна, письмо ей лично в руки отдать следует, – я покачала головой и спрятала за спину конверт, который до того показательно держала на виду.

Разумеется, в роли хозяйки мне виделась та царственная красотка, которую я видела в аэропорту с сынишкой. Ясно ведь, что избалованный мальчик Саша – августейший потомок сеньоров этого небольшого замка!

– Ну, Милену Витальевну спрашивайте после десяти вечера! – оглянувшись на дом, ворчливо сказала кухарка. – Жаннетка, живо домой!

Тетка решительно застеклила глазницы плавательными окулярами, и я поняла, что она считает наш разговор оконченным.

– Постойте! – вскричала я, ногой отпихнув рвущуюся в калитку болонку. – Что же мне теперь в третий раз приходить? Хотя телефончик скажите, я вашей Милене Витальевне предварительно позвоню!

Суровая кухарка приостановилась:

– Есть куда записать?

– Есть! – обрадовавшись, я вытянула из кармана мобильник. – Диктуйте, я сразу в память занесу!

Получив телефончик хозяйки, я пропустила во двор вякающую болонку, глубоким кивком поблагодарила за помощь любезную кухарку, повторила про себя адрес дома – улица Подгорная, дом пятнадцать – и поторопилась вернуться к синей «Ауди».

Меня немного беспокоила судьба машины, брошенной вблизи магазина, экспонаты с витрины которого можно было рекомендовать в качестве наглядных пособий для семинара по повышению профессионального мастерства взломщиков-домушников. На мой взгляд специалиста, там были все возможные новинки запорных механизмов. Оставалось надеяться, что Денис не переусердствует и купит для Трошкиной что попроще – лучше всего простой амбарный замок, который в случае утери ключа можно сбить топором, не калеча дверь. На моей памяти раззява Алка потеряла столько ключей, что их общего веса хватило бы пионерскому звену, чтобы с большим отрывом победить в школьном соревновании по сбору цветных металлов.

Денис уже вышел из магазина и громко отчитывал, понуро свесившего уши Барклая.

– Ты оставил машину без присмотра и не закрыл даже дверцу! – справедливо сердился Денис. – Куда тебя понесло? Где ты шлялся? Только не говори, что побежал по нужде, я не поверю!

– О, ты уже вернулся! Можно поздравить с покупкой? – самым светским тоном молвила я, нарисовавшись у заднего бампера «Ауди».

– Ты оставила машину без присмотра и даже не закрыла дверцу! – Денис оставил в покое собаку и, не меняя текста, накинулся на меня. – Куда тебя понесло? Где ты шлялась?

– Ты не поверишь, но я отошла по нужде! – ответила я, упреждая следующую фразу. – А Барклай ходил со мной.

– Вы справляли нужду вместе? – Денис, как и обещал, сказанному не поверил. – Мочились на брудершафт?!

– Нет, Барклай стоял на шухере – охранял меня, пока я сидела под кустиком, – легко соврала я. – Тут ужасный район, ни одной общественной уборной!

– Сидела под кустиком? – ошеломленно повторил Денис.

– Согласись, это вполне сочетается с моим нынешним имиджем! – Я нарисовала в воздухе вертикаль, более или менее параллельную своему телу, облаченному в маскарадный костюм Леди Бомж.

– М-да, – вякнул милый.

– Ты замок-то купил? – спросила я, кивнув на витрину. – Кажется, здесь богатый ассортимент?

– Ха! Богатый ассортимент! – высокомерно хмыкнул эксперт-криминалист, залезая на водительское место. – Особенно широкий выбор деревянных щеколд и железных засовов времен царя Гороха!

– И чугунных шпингалетов, – пробормотала я, вспомнив известную миниатюру одного из наших комиков. – Самовывозом из Нижнего Тагила...

– Чего?! – Денис обернулся и посмотрел на меня с откровенным беспокойством.

– Не отвлекайся, едем домой, – попросила я. – Что-то у меня с головой не в порядке, наверное, от жары. Надо поскорее лечь в постель.

– Со мной? – быстро и с нескрываемой надеждой спросил мой любимый мент.

– С холодным компрессом! – возразила я.

Он фыркнул и придавил педаль газа. Через четверть часа мы уже выгружались из машины в родном дворе. Денис со мной не разговаривал – похоже, обиделся на то, что я предпочла горячему милиционерскому парню холодный компресс. До двадцать первой квартиры мы дошли в напряженном молчании, но, когда увидели Алкину дверь, заговорили разом:

– Это еще что? – воскликнула я.

– Что за хрень? – продолжил Денис.

На двери, которая была закрыта кое-как – сбоку оставалась косая щель, – белела бумажная полоска с чернильным оттиском. Мне стало дурно: ноги задрожали, голова закружилась. В этот момент я и впрямь не отказалась бы от холодного компресса, желательно с нашатырем. Подобные бумажки я тысячу раз видела в кино: таким образом милиция опечатывает квартиры, в которых произошло убийство!

Подумав про милицию, я, конечно же, вспомнила, что эксперт-криминалист стоит рядом со мной, и перевела взгляд на Дениса. Его симпатичная физиономия сделалась непроницаемой, как дверца сейфа. Еще бы! Бравый капитан Кулебякин наверняка и не такое видел!

– Никогда такого не видел! – сказал между тем Денис, этим неожиданным заявлением спутав все мои мысли.

Он присел на корточки и приблизил свою бронированную физиономию к напугавшей меня бумажке. Поглазел на нее, непонятно цокая языком, а потом поддел полоску ногтем и бесцеремонно сорвал с двери.

– Как ты думаешь, что это?

Я никак не ожидала, что эксперт обратится с этим вопросом ко мне, и замешкалась с ответом. В руках у Дениса трепетала полоска бумаги, вырезанная из школьной тетрадки в клетку. На ней аккуратным ученическим почерком шариковой ручкой было выведено странное слово «апичатана», хвостик которого был придавлен отштампованным изображением гнусно ухмыляющегося черепа. Из его глазницы выглядывала кобра, судя по всему, молодая и энергичная. От раздутого капюшона до кончика хвоста, которым гадина игриво щекотала скрещенные под черепом берцовые кости, змея была полна самодовольства и скрытой угрозы.

– Я не поняла, это какого же ведомства печать? Минздрава, который катастрофически опоздал с предупреждениями? – глупо спросила я, не зная, что и думать.

Может, злокозненные гаитянские колдуны обиделись на Трошкину за то, что она их любила и изменила пугающей магии Вуду с кротким природничеством, а потому взяли да и прислали Алке черную метку?

– Сейчас узнаем, – сквозь зубы сказал Денис и решительно постучал в соседнюю квартиру.

За дверью что-то грохнуло, шлепнуло, а затем послышался частый топот, затихший в глубине квартиры.

– Васька, – с уверенностью сказал Денис. – Подслушивал, заражёнок, под дверью!

– И подсматривал в глазок, – добавила я, угадав природу шума: сто процентов, это упала табуретка!

Алкин сосед Васька Кулешов по прозвищу Василиса Микулишна – на диво шустрый, но мелкорослый пацан неполных десяти лет. У пацана обманчивая наружность сказочной королевы – глазки-незабудки, ресницы веером, ротик бантиком, точеный носик в россыпи умильных веснушек и пышная копна золотистых локонов, которые Васькина мамаша Татьяна не стрижет из ностальгических соображений – видите ли, буйная грива сына напоминает ей собственную великолепную шевелюру, от которой только воспоминания и остались. Васькина маменька уже лет двадцать работает парикмахершей и за это время смелыми экспериментами над собственным волосным покровом истребила таковой почти напрочь.

– Татьяна небось на работе еще, Василиса один дома сидит, – предположила я, видя, что никто не спешит нам открывать.

Денис бухнул в дверь кулаком и бармалейским голосом проревел:

– Откройте, уголовный розыск!

По линолеуму влажно зашлепали быстрые шаги, и дверь распахнулась настежь.

– Честно, не врете, уголовный розыск?! – захлебываясь от восторга, пропел Василиса.

Я с иронией покосилась на Дениса. Если он думал испугать пацана, то промахнулся! Василиса – один из самых преданных фанатов нашей мамули, он добровольно тестирует ее новые кошмарные произведения с пяти лет и развил у себя стойкий иммунитет к любым страхам и ужасам.

– Ее убили, да?! – Мелкорослый Василиса возбужденно подпрыгивал у наших ног, и его ясные голубые глаза светились, как ксеноновые лампы. – Я так сразу и подумал!

– Стоять смирно! – гаркнул Денис. – Твоя работа?

Пацан поглядел на бумажку с устрашающей печатью и согласно тряхнул кудрями:

– Ага, классно получилось, да?

– Где же ты взял такую печать? – я не удержалась от вопроса.

– Да это же не печать вовсе, тетя Ин, вы че, совсем темная? – укорил меня Василиса. – Разбираться надо, это же временная татуировка, вроде переводной картинки!

– О картинках после поговорите, – строго сказал Денис. – Скажи лучше, с чего это тебе вздумалось чужую квартиру опечатывать?

– «Апичатывать»! – ехидно уточнила я.

Сказав, что я «темная», Василиса меня нешуточно обидел. Я не какая-нибудь сельская клуша, а вполне прогрессивная девушка, стремящаяся быть в курсе всего нового и интересного!

– А как же?! – Пацан одарил Дениса взглядом, который ясно говорил, что мой милый тоже безоговорочно причислен к темным массам. Я повеселела. – Когда тетя Аллу увезли, дверь открытой осталась! Замок сломан, так не гвоздями же ее забивать? Вот я и придумал опечатать помещение, чтобы не лезли, кому не нужно!

– погоди, Василиса, а кто увез Алку? – быстро спросила я, вновь начиная волноваться.

– Ну кто? – Василиса пожал плечами, и ниспадающие на них локоны зашевелились. – «Скорая», конечно!

– «Ско-орая»? – я потеряла дар речи.

Тогда за допрос малолетнего свидетеля взялся Денис, и вскоре мы уже знали следующее.

После школы хороший мальчик Василиса пошел на стадион «Юность» собирать на беговой дорожке гильзы от стартового пистолета, а потом весь вечер трудолюбиво набивал их серой, которую соскабливал со спичечных головок. Предвкушая, как чудесно будут взрываться эти самодельные хлопушки в костерке, разложенном дворничихой в палисаднике с пошлой целью кремации сухих листьев, Василиса излишне увлекся и остановился лишь тогда, когда в доме кончились спички. Только тут маленький террорист спохватился, что ему нечем зажечь газ и разогреть ужин, оставленный заботливой маменькой, не удастся. Между тем, за трудами несправедливыми Василиса проголодался. Почесав лохматый затылок, предприимчивый пацан побежал за спичками к соседке.

Дверь двадцать первой квартиры была открыта, а хозяйка где-то пряталась. Василиса с удовольствием поаукал, а когда перестал шуметь, то заметил, что в санузле горит свет, и из-за двери слышатся мучительные стоны и жалобные рыдания.

– Эй, тетя Ал, тебе плохо? – спросил Василиса.

Стоны и рыдания стали громче и горше. Смышленный пацан принял это за утвердительный ответ и без колебаний вызвал «неотложку». «Скорая» приехала быстро, но осмотреть шоу полностью Василисе не дали. Прибывший доктор крепко взял любопытного мальчишку за плечо и бесцеремонно выставил из чужой квартиры.

– Но когда ее выносили, я все-таки посмотрел, – похвастался Василиса. – Тетя Алла на носилках скукожилась, простынкой по макушку укрылась и стонала жалобно, как котенок.

– Стонала – значит, еще живая была, – резюмировал Денис.

Это его «еще» мне совсем не понравилось!

– Боже, сделай так, чтобы она не умерла! – взмолилась я.

– Не причитай! – поморщился Денис. – Мы все выясним. Знать бы только, куда ее увезли...

– Бедная Алка! – я продолжала кручиниться.

Мысленным взором я видела худосочную Трошкину завалившейся в ямку на продавленной сетке больничной кровати. С тихим котеночьим писком к белому потолку отлетала Алкина душа...

Тут примеревшийся мне жалобный писк напрочь заглушил немелодичный скрежет, сопровождающий движение лифта. Подъемный механизм наконец-то ожил и натужно волок кого-то вверх. Кабинка пришвартовалась на пятом этаже, створки лифта разъехались, и из него вышла... Алка Трошкина, живая и невредимая!

– Ну, братцы, вас только за смертью посылать! – недовольно сказала она, протолкавшись мимо меня и опешившего Василисы к своей двери. – Ну, купили замок?

– Купили, – бесцветным голосом ответил Денис, поморщившись при упоминании о смерти.

– Трошкина, ты живая! – обрадовалась я.

– Я полуживая, – сердито возразила Алка. – Жрать хочу – спасу нет, а в холодильнике пусто, пришлось в магазин бежать, хоть и не хотелось квартиру бросать открытой. Спасибо, Пална согласилась присмотреть!

Не обращая внимания на наши удивленные лица, она толкнула перекошенную дверь, забросила в прихожую распухший от покупок пакет с логотипом супермаркета, после чего по-своейски рванула на себя дверь квартиры номер двадцать и проорала в щель, ширина которой равнялась длине дверной цепочки:

– Вера Пална! Я уже вернулась!

Ответа не последовало, но Алка его, видимо, и не ждала. Аккуратно прикрыв чужую дверь, она прошла в свою квартиру, на ходу неласково бросив через плечо:

– Не стойте как вкопанные, я не хочу ночевать с открытой дверью!

Мы с Денисом проводили ее изумленно-недоверчивыми взглядами, а потом, не стовариваясь, устали на Василису.

– А я что? Я ничего! – опасливо пробормотал пацан, ретируясь в глубь своей квартиры.

– Андерсен маленький! – запоздало ругнулся Денис. – Сказочник юный! Начинаящий сочинитель ужастиков!

– С кем поведешься, от того и наберешься, – пробормотала я, имея в виду свою мамулю – кого же еще! – Ну, ладно, ты занимайся замком, а я домой пойду, раз с Трошкиной все в порядке.

– Гау! – прощально взлаял мне вслед Барклай, враспяжку лежащий на прохладном бетоне лестничной площадки.

Надутый Денис ничего мне не ответил, а Алке велел тащить инструменты. Под треск раздираемого дерева и лязг металла я быстрым шагом поднялась на седьмой этаж и придавила кнопку звонка.

– Индюха, ты как раз вовремя! – обрадовался Зяма, открывший мне дверь. Братец был наглажен, напомажен и расфуфырен. – Топай в гостиную, папуля собрался сделать программное заявление. Да не копайся, я тороплюсь, мне уже уходить пора!

Подгоняемая братцем, я не стала копаться и прошла в гостиную, даже не сняв растерзанный пиджак. Папуля внимательно посмотрел на меня поверх очков, но от вопросов и комментариев удержался.

– Все, мы уже в сборе и готовы внимать! – глянув на часы, скороговоркой произнес Зяма. Он нетерпеливо притопывал ногой, дожидаясь возможности сорваться с места и убежать.

– Наш Зяма, кажется, влюбился? – на мотив известной песни про Костю-моряка напела я.

– Кгх-м! Попрошу тишины! – веско сказал папуля. – Басенька, присоединись к нам, пожалуйста!

Мамуля вошла в комнату тихой поступью призрака. Судя по выражению лица и особенно – по зловещему сверканью глаз, призрак был отнюдь не безвредный и наверняка беспокойный, как полтергейст. Я поняла, что какого-то компромисса со своей редакторшей мамуля все-таки достигла, но это ее отнюдь не радует.

– Дорогие мои, я собрал нас всех, чтобы сообщить неприятное известие! – с суровой торжественностью возвестил папуля.

– К нам едет ревизор? – ляпнул Зяма.

Папа строго посмотрел на него. Братец пробормотал:

– Все, все, молчу! – и высоко поднял руки, как капитулирующий фриц в кино про войну.

– Дорогие мои, у нас проблема, – продолжил папуля. – Под угрозой оказались писательская популярность мамули и, как следствие, один из источников финансового благополучия нашей семьи. И хотя она достигла определенных договоренностей со своим издательством...

Зяма, не опустивший рук, сцепил их над головой в крепкий замок и победно потряс, безмолвно приветствуя достигнутые договоренности независимо от сути таковых.

– Но всем нам придется постараться, чтобы благополучно разрешить конфликтную ситуацию и пережить кризис, – заявил папуля.

– Ма, ты согласилась оживить Кузьму? – быстро спросила я, устав следить за нитью папулиного витиеватого повествования.

– Только через мой труп! – непримиримо вскричала она.

– Мама согласилась найти Кузьме достойную замену, – объяснил папуля. – К концу недели она должна предложить кандидатуру, которая полностью устроит издательство. В противном случае придется действительно оживить Кузьму.

– Только через трупы! – кровожадно оскалилась мамуля.

Я заметила, что она внесла в свою предыдущую реплику поправку на массовость.

– Я понял! – быстро сказал Зяма, распутав руки и между прочим поглядев на часы. – Нам надо придумать главного героя, который будет ничем не хуже Кузьмы!

– Объявляю всеобщую мобилизацию! – пафосно подтвердил папуля.

– Рад стараться! – Зяма козырнул, круто повернулся на каблуках и, звонко печатая шаг, вышел из комнаты.

Через пару секунд громко хлопнула входная дверь.

– Да чего там, придумаем что-нибудь! – я ободряюще улыбнулась папе и тоже покинула гостиную, мимоходом приобняв расстроенную мамулю.

Обещание помощи писательницу не сильно успокоило. Остаток вечера она была сердита, все ее раздражало. Я слышала, как она возмущается, перестилая в их с папулей комнате постель. Мама громкогласно костерила недобросовестных производителей постельного белья, которые шьют пододеяльники на новый, упрощенный манер – не оставляя большого ромбовидного выреза. Яростно заталкивая сминающееся одеяло в узкую прорезь на боку, она призывала громы и молнии на головы работников швейной фабрики «Снежинка», которые, по ее мнению, должны были после смерти всем своим трудовым коллективом оказаться в десятом круге ада и там до скончания веков вдевать в микроскопические прорези собственных изделий просторные комкающиеся одеяла.

В нашей многоэтажной башне не очень хорошая звукоизоляция, и мне было неплохо слышно, как ярится мамуля, тяжело переносящая творческий кризис. Я посочувствовала ей, а потом – за компанию – и себе. У меня ведь нынче тоже тяжелый денек выдался, один испорченный костюм чего стоит! Маловероятно, что его удастся привести в божеский вид, хотя попробовать, конечно, надо...

Чтобы не предаваться бесплодному унынию, я пошла в ванную и затолкала испачканный костюм в стиральную машинку. Умный агрегат, оживленный нажатием кнопочек, принялся за дело, а я присела на бортик ванны и некоторое время тупо тарасилась на коловращение за стеклянным иллюминатором, вяло радуясь, что шум машины заглушил мамулины экспрессивные речи. Потом меня вдруг осенило, что я отправила костюм на постирушку, не вывернув карманы! Вот дура-то! Там ведь остался листок, который я вынула из конверта, подобранного в Алкиной прихожей!

Еще раз самокритично обругав себя идиоткой, я остановила урчащую стиралку, вытянула мокрый жакет и проверила карманы. Ну так и есть, бумажка размокла и расплзлась, и чернила с нее великолепно отстирались! Ох, как нехорошо получилось, прямо по поговорке «и сам не гам, и другому не дам»: теперь ни я, ни Трошкина не узнаем, что было в этом письме!

– Индюшечка, там твой сотовый звонит! – громко сказал за дверью папуля.

– Иду, – буркнула я, шмякнула недостиранный жакет обратно в мыльную водицу, воскресила стиральную машину и побежала в свою комнату.

– Кузнецова! – гневным фальцетом Алки Трошкиной сказала трубка. – У тебя, вообще, совесть есть?

– Вообще, да, – виновато ответила я.

– Ладно, ты мне дверь сломала! – кипятилась подружка. – Медитацию испортила! Полы затоптала! Но сожрать все мое зерно – такого свинства я даже от тебя не ожидала!

– Извини? – я растерялась. – Что за сказки ты рассказываешь?

И тут же я поняла, в какой сказке был бы уместен Алкин монолог. Трошкина пицчала так, словно она была запасливой мышью-полевкой, а я не в меру прожорливой Дюймовочкой, опустошившей ее кладовые.

– Какое зерно? – уточнила я, начиная нервно хихикать.

– Самое обыкновенное! Нечищенное!

– Ты не отделяешь зерна от плевел? – меня разобрал смех. – Фи, плохая мышка!

– Кузнецова, ты пьяная? – помолчав, с подозрением спросила Алка.

– Нет, но спасибо за идею! – искренне поблагодарила я. – У меня был такой трудный день, что остограмниться, пожалуй, не помешает! Так что там у тебя с зерном случилось?

– Оно пропало! – мрачно сообщила Алка.

– Из кладовой?

– Из кастрюльки! Я сварила коричневый рис, закутала кастрюлю в старую шубу и оставила доходить до кондиции, потому что зерно должно хорошенько распариться и набухнуть. А сама тем временем побежала в магазин, потому что у меня закончились простокваша, капуста, черные бобы и постное масло, – затарахтела Трошкина. – Я все купила, вернулась домой, и что?

– Что? – с интересом повторила я.

– И ничего! Исчез мой рис, поминай как звали! Шуба разворошена, кастрюлька выскоблена, словно ее собака языком вылизала! – тут Алка замолчала, словно ей в голову пришло неожиданное соображение.

– Барклай тут совершенно ни при чем! – поспешила заявить я, безошибочно угадав ход мыслей подружки. – Ни он, ни я твой рис не ели, клянусь своими новыми французскими колготками!

– В сеточку? – зачем-то спросила она.

– Ага. Слушай, а почему этот твой рис был коричневым? – я мудро сменила тему. – Ты его сварила с какао? Или заправила шоколадом?

– Да ты что?! – ужаснулась Трошкина. – Скажешь тоже, с шоколадом! Я ем только простые натуральные продукты, произведенные в моей естественной среде обитания!

– В наркодиспансере?!

Я ахнула и замолчала, соображая, какими такими кормами может снабдить Алку краевой наркодиспансер, в котором она лениво и нерегулярно подрабатывает инструктором по лечебной физкультуре. Простые натуральные продукты, она сказала? Так-так! Чистый спирт, маковая соломка, листья конопли...

– Черт, забыла траву купить! – словно услышав мои мысли, чертыхнулась Алка. – Как же я без травки-то? Слышь, Кузнецова, можно у вас пучок стрелнуть? У дяди Бори, я знаю, всегда есть...

– У папули?!

– Открывай дверь, я сейчас к вам поднимусь! – деловито сказала Алка и положила трубку.

Я высоко подняла брови и с глубоким недоумением посмотрела на размеренно гудящий мобильник: наш папуля, военный пенсионер и действующий кулинар-изобретатель, – наркодилер?! Не верю!

Я понеслась в коридор, открыла Алке дверь и пробежала в кухню, чтобы учинить допрос папуле, но тут примчалась Трошкина и прямо с порога крикнула:

– Дядя Боря, дайте, пожалуйста, укропчику или петрушечки, бобы надо заправить!

– На постном масле или на сливочном? – деловито уточнил папуля, оторвавшись от кулинарной книги, которую он читал, недоверчиво хмыкая и делая пространные иронические пометки на полях.

– Бобы на постном масле! – умиленно повторила я, невнимательно слушая дискуссию о правилах приготовления блюд из бобовых культур. – Значит, наркоманов среди нас нет! Уже хорошо!

– Что ты сказала о наркоманах? – прищурилась мамуля.

С незажженной сигаретой в руке она следовала в кухню, производя другой мелкие хватательные движения – вероятно, желала обрести какое-то огниво. Остановившись, мамуля требовательно уставилась на меня. Между бровей у нее залегла вертикальная складочка, похожая на восклицательный знак.

– Я сказала, что среди нас нет наркоманов, и это хорошо, – немного робея, ответила я.

Когда у мамы делается такое лицо – отрешенное и сосредоточенное одновременно, – я ее немного побаиваюсь. С такой миной моя родительница становится похожа на впавшую в транс прорицательницу, и ей ничего не стоит авторитетно заявить что-нибудь вроде:

– Ах, не стоило этого делать, дорогая! Ты очень, очень пожалеешь!

И гадай потом, чего именно не стоило делать – соглашаться на свидание с новым поклонником, покупать помаду цвета лососины или есть на ночь сырники с абрикосовым вареньем. Главное, практика показывает, что в чем-нибудь мама непременно окажется права! Либо поклонник, либо помада не выдержат испытания первым поцелуем, или же сырники в желудке вступят в непримиримую войну с абрикосами!

– Наркоман? – повторила мама.

Мечтательность, отчетливо прозвучавшую в ее голосе, я осудила, но не успела об этом заявить.

– После длительного употребления сильнодействующих веществ он скончался от передозировки, но к тому времени наркотики радикально изменили биохимию его организма, так что он, можно сказать, был уже не человеком, – нежно улыбаясь, доверительно нашептала мне мама. – Поэтому после смерти он продолжает жить какой-то особой жизнью! Тело его под воздействием препаратов вроде как мумифицировалось, почему бы и нет, правда? Пусть себе бродит по земле, как Вечный Жид, я сочиню ему какую-нибудь особую кармическую задачу, наделю своеобразным чувством юмора и назову... М-м-м... Варфоломеем, а? Как тебе?

– Ты придумываешь нового героя ужасиков? – догадалась я. – Неплохо! От твоего Варфоломея у меня уже заранее мурашки по коже бегают!

В подтверждение сказанного я показала маме свой локоть, волоски на котором вздыбились, как щетинки на ржаном колоске. Писательница, удовлетворенно хмыкнув, удалилась к себе. Я с уважением поглядела на дверь, за которой, набирая темп, застучала пишущая машинка. Молодец мама! Постоянно думает о работе!

– Чего не скажешь о других! – пробормотала я себе в укор.

Совсем запямятовала, что собиралась позвонить великанской красотке с кукольным именем Милена! А время уже почти подходящее, на часах половина десятого.

Я вернулась к себе, нашла в памяти мобильного телефонный номер и позвонила.

– Какого дьявола?! – после серии долгих гудков рывкнул мне в ухо очень сердитый женский голос.

– Мне бы Милену Витальевну, – стухнув, проямлила я.

– Я Милена! Что нужно? Кто такая?

Голосок у Милены был громкий, хриплый и булькающий, как у французского гренадера, заработавшего зимой восемьсот двенадцатого года разом бронхит, фарингит и отит и активно применяющего для лечения крепкие спиртовые настойки перорально. Представляться воображаемому гренадеру мне не захотелось, и я уклончиво ответила:

– Это вас с телевидения беспокоят. У нас к вам большая просьба, очень хотелось бы встретиться...

– Что, опять интервью? – Милена то ли зарычала, то ли широко, со всхрапом, зевнула. – Ох, и надоели вы... Ладно! Пересечемся в раю, я буду там после полуночи.

Трубка меланхолично загудела. Я выключила ее и задумалась. Довольно странный разговор получился! Я не поняла, Милена на тот свет собралась, что ли? Причем непременно в царство небесное? «Я, – говорит, – буду в раю после двенадцати»! Надо же, наверняка знает и время отправления, и пункт прибытия – право, такой точности могут позавидовать пассажиры всех видов общественного транспорта!

– Впрочем, к своему самолету в Вену она ведь тоже не опоздала, – напомнила я себе.

Ладно, пусть так, предположим, эта Милена Витальевна такая предусмотрительная дама, что даже похороны свои планирует заранее. Но я-то тут при чем? С чего она взяла, что мы с ней в рай пересечемся? Как говорил герой Миронова в «Бриллиантовой руке» – «Уж лучше вы к нам!» Я пока еще на тот свет не собираюсь!

Впрочем, может, Милена Витальевна имела в виду какое-то райское местечко на земле?

Недолго думая, я позвонила на сотовый Зяме. Братец ведет куда более активную светскую жизнь, чем я, и все время тусуется в разных модных заведениях. Может, подскажет мне дорогу в рай?

– Ну, что? – Зяма отреагировал на мой звонок совсем не ласково.

– Зямка, ты знаешь, что такое «рай»? – спросила я.

– Как раз собирался узнать, а тут ты со своим звонком, Серега!

– Серега? – озадаченно повторила я. Потом до меня дошло, что мой донжуанистый братец обрабатывает очередную жертву своего обаяния и, чтобы не нервировать даму понапрасну, делает вид, будто беседует с приятелем-мужчиной. – О'кей, Серега так Серега! Скажи только, не известно ли тебе, случайно, златное местечко, которое завсегдатаи запросто называют «раем»?

– Серость ты деревенская! – с удовольствием обругал меня светский лев. – «Рай» – это «Райский птах», ночной клуб на углу Западной и Зеленой!

– Дорогой клуб? – заволновалась я.

Зарплату мне в этом месяце шеф задержал, сославшись на финансовый кризис. Если «ночник» окажется заведением с претензиями, я не смогу встретиться там с Миленой!

– Нет, не дорогой, он ориентирован на студенческую братию, – ответил всезнающий Зяма. – Милые дамы вообще бесплатно, а с тебя за вход возьмут триста деревянных.

Я хотела было обидеться, что братец не причислил меня к милым дамам – видит бог, я достаточна мила, особенно в чистой одежде! – но потом вспомнила, что по Зяминой легенде я «Серега». Значит, с мужиков в «Райском птахе» берут по триста рублей за голову, а девушки бесплатно, это хорошо!

– Спасибо! – поблагодарила я брата за ценную информацию. И, проявляя требующуюся по роли мужскую солидарность, добавила: – Доброй охоты, Каа!

– Мы с тобой одной крови, ты и я! – узнав цитату из «Маугли», со смешком отозвался Зяма.

Я отключила трубку и полезла в бумажник, проверяя, хватит ли у меня денег на такси до клуба и обратно. Надеюсь, угощать Милену изысканными коктейлями не придется, строго говоря, это она меня пригласила!

Новичкам везет: случай легко ухлопать «заказанную» барышню подвернулся Пятаку сразу же. Он пришел по указанному адресу, предполагая всего лишь провести разведку: осмотреться на подступах к дому, выяснить, нет ли в подъезде консьержки, взглянуть на дверь нужной квартиры, если представится случай – узнать что-нибудь о жертве, о ее привычках и слабостях. И вот, на тебе! Во дворе пусто, в подъезде ни души, а дверь нужной квартиры приоткрыта! Не хватало только плакатика над входом: «Добро пожаловать, дорогой киллер!»

– Эх, была не была! – Пятак взмахом широкой ладони отогнал, точно муху, трусливую мысль о том, что настоящие киллеры не любят экспромтов и создают удобную для работы ситуацию самолично, после чего мягкой вельветовой коленкой бесшумно толкнул приоткрытую дверь. Спустя пару секунд он уже тихо ворочался в темном углу прихожей под прикрытием одноногой вешалки, густо поросшей всяческим тряпьем.

Все складывалось само собой, словно о Пятаке радел ангел смерти – покровитель киллеров, сжимающий в оперенных конечностях наиболее распространенные орудия убийства. Хотя допотопной стоячей вешалки среди них, наверное, все-таки не было! Между тем, именно

вешалка с бугрящимися на ней предметами разной степени твердости способствовала киллерскому боевому крещению Пятака.

Он и сам не понял, упала ли вешалка сама по себе или же это он прицельно уронил ее на голову женщины, которая по-хозяйски, без стука, вошла в квартиру? Так или иначе, получилось здорово: жертва пала без звука, да и вешалка, опустившаяся на мягкое, не звякнула.

Новоиспеченный киллер тоже не стал шуметь, хотя ему очень хотелось огласить окрестности восторженным криком «Вау!» и рукоплесканиями себе, любимому. Осмотрительно соблюдая режим молчания, Пятак поддел носком кроссовки неплотно закрытую дверь, растворил ее шире и рыбкой выскользнул в проем. На лестнице он никого не встретил и спокойно спустился во двор.

При виде вдохновенных, но абсолютно неграмотных действий Пятака какой-нибудь профессиональный киллер схватился бы за голову – это как минимум. Как максимум – опытный наемник сделал бы себе хакакири. Пятак все делал неправильно!

Однако он не знал об этом, а потому был вполне доволен и даже горд собой. Его только немного удивляло собственное железобетонное спокойствие. Загодя, еще только готовясь принять боевое крещение, Пятак волновался, а теперь – нисколько!

Он твердым шагом вышел из подъезда, остановился на крыльце и с любопытством прислушался к своим ощущениям. Действительно, спокоен, как музейный танк!

Стоило Пятаку так подумать, как наступила запоздалая реакция: доморощенного киллера бросило в жар, потом затрясло в ознобе, и, выстукивая зубами головокружительный ритм испанского танца фанданго, Пятак на ватно-марлевых ногах побрел к ближайшей лавочке.

Нормальный наемный убийца на его месте поспешил бы убраться с места преступления, но Пятак осваивал азы мастерства по скверным отечественным детективам и зачетов по теории и практике киллерского дела не сдавал. Он плотно угнездился на скамейке, дождался, пока пройдет нервная дрожь, потом вынул из кармана уютный клетчатый платок, сопоставимый по размерам со скатертью на столике летнего кафе, и тщательно вытер взмокшую физиономию. Покончив с этой гигиенической поцедурой, Пятак погрузил в скомканный платок розовый поросячий нос и деликатно, без хрюканья, высморкался. Вынув рыльце из влажной мятой тряпицы, он обмер: прямо перед ним, заложив руки за спину и перекатываясь, как кресло-качалка, с носков на пятки, стояла невысокая полненькая девушка, похожая на раскормленного кролика.

У девицы были круглые щеки, подпирающие слегка раскосые глаза, и похожие на заячьи уши хвосты из гладких черных волос. Будь на ней меховая парка и расшитые бисером унты, барышня могла бы олицетворять собой Юность Чукотки. Пятак машинально огляделся, подсознательно рассчитывая увидеть поблизости собаку лайку или белого медвежонка Умку.

– Ну?! – враждебно произнесла Юность Чукотки и засопела, набирая в легкие побольше воздуха и выпячивая грудь, обтянутую белой майкой с надписью «Дети России против наркотиков».

Пятак сразу понял, как туго приходится наркотикам, против которых ополчились все дети России – от Белого моря до Черного. Не понял он другого: отчего именно его скромная персона вызвала недобрый интерес у политически грамотной девушки? Ни в фас, ни в профиль Пятак не походил на самокрутку с «травкой».

– А? – вякнул он, вновь начиная стучать зубами при мысли о том, что ориентированное на борьбу с социально опасными явлениями дитя России с редкой проницательностью угадало в нем преступный элемент.

– Долго сидеть будете? – неприязненно спросила девушка.

«Лет двадцать!» – подумал испуганный Пятак.

В одно короткое мгновение он успел мысленно поставить жирный крест на своей едва начавшейся киллерской карьере и вольной жизни вообще, но тут дитя России добавило:

– Неужто неясно, что я так не дотянусь?

Взгляд раскосых глаз устремился за спину Пятака. Он скривил шею, обернулся и увидел позади лавочки доску объявлений.

– Вы уж или встаньте, или подвиньтесь! – велела девушка и вывела из-за спины руки, занятые бутылочкой с клеем и пачкой квадратных бумажек с лохмато надрезанными краями.

Пятак так энергично скользнул задом по деревянному брусу скамьи, что его штаны едва не задымились.

– Спасибо! – буркнула девушка, некультурно залезая ногами на лавочку.

– Уф-ф! – облегченно выдохнул Пятак, наблюдая, как предприимчивое дитя России ловко марает фанерный щит клеем и одну за другой шлепает на разводы рекламные бумажки.

– Живете тут? – сменив гнев на милость, понтересовалось дитя, тряхнув антрацитовыми хвостиками в сторону подъезда.

Пятак снова испугался, но следующая фраза собеседницы его успокоила.

– Хороший дом, с классными квартирами! – сообщила девица. – Директор нашей риелторской конторы обещал премию менеджеру, кто найдет здесь вариант. Есть покупатели.

Пятак насторожил ушки. Его киллерский покровитель вновь широко взмахнул крылами и наваял подопечному перспективную мысль.

– Вы в риелторской фирме работаете? – повторил он. – Отлично! Вы-то мне и нужны!

Пришел черед девушки опасливо коситься на незнакомца.

– Зачем это? – с подозрением спросила она.

В принципе Пятак мог бы честно ответить: «Затем, что мне как киллеру нужен информатор, который побродит вокруг дома и послушает разговоры взволнованных жильцов об убийстве», но сказал немного иначе:

– Нужен симпатичный, коммуникабельный человечек – справочки навести, – и талантливо соврал: – Я как раз покупаю квартиру в этом доме, уже договорился с продавцом, условился завтра задаток принести, а в последний момент спохватился, что не удосужился разузнать, что за люди будут моими соседями по подъезду. – Он облизнул губы и мудро добавил, взглянув на надпись, украшающую майку девушки: – Не хотелось бы, знаете, жить рядом с наркоманами!

Симпатичное и коммуникабельное дитя России, польщенное комплиментом, благосклонно приняло деловое предложение коварного Пятака. Девушка, представившаяся Юлей, пообещала навести справочки о криминогенной обстановке в доме, за что Пятак заплатил ей авансом двести рублей. Своих контактов он барышне не оставил, зато записал номер ее домашнего телефона, после чего церемонно откланялся и ушел, чрезвычайно довольный собой.

Уже подходя к остановке, Пятак увидел «Скорую», которая с воем влетела в ведущий к дому проезд, и на всякий случай поспешил сесть в первый попавшийся троллейбус. Появление на сцене «неотложки» заставило его заволноваться: что, если жертва осталась жива? Тогда придется продолжить охоту.

Пятак посмотрел на часы и решил, что свяжется со своим информатором часа через полтора-два. Этого времени общительной девице наверняка хватит, чтобы узнать подробности кровавой драмы в двадцать первой квартире.

Потирая руки, я вышла из комнаты и направилась в кухню, чтобы чем-нибудь подкрепиться перед ночным набегом на «Райский птах», но вынуждена была притормозить в коридоре.

– Ой, дядя Боря, спасибо вам! – На пороге кухни расшаркивалась с папулей щедро одаренная Трошкина.

Большой росистый пучок петрушки она держала торчком, как букет, а связку чесночных головок надела на шею, как ожерелье. В сочетании с очередным посконно-сермяжным сарафа-

ном это придавало ей вид деревенской знахарки. Картину слегка портил брусок соевого сыра в вакуумной упаковке, который Трошкина пристроила на сгиб локтя. Впрочем, если сильно прищуриться, бледно-желтый кирпич мог сойти за хворого младенца, отданного знахарке на исцеление.

– Индюшечка, детка, помоги Аллочке донести продукты, – попросил меня папуля.

– А что нести? – Я огляделась и с готовностью приняла в объятия трехлитровую банку с вишневым компотом.

Приготовленный папулей по экспериментальному рецепту, этот компот больше походил на сироп и не пришелся по вкусу членам нашей семьи. Чтобы добро не пропадало, папуля щедро поливал приторной вишнежкой вареники, блины и пироги. Мне эта фруктово-ягодная добавка очень надоела, поэтому я сказала:

– С удовольствием помогу тебе, Аллочка! – и без промедления понесла банку на лестницу.

– Дядя Боря посоветовал мне добавить в черные бобы тертый соевый сыр с чесноком, – оживленно поведала мне Трошкина по пути на ее пятый этаж. – Он сказал, так будет гораздо вкуснее, чем просто с маслом и зеленью. Ты как думаешь?

– Я думаю головой, в отличие от некоторых! – сердито ответила я, остановившись на коврик под Алкиной дверью и даже притопнув по нему ногой. – Трошкина! Ты известная раззява, но сегодня у тебя, похоже, случился пик умственной тупости! Ты почему дверь не заперла, а? Зачем тебе Денис новый замок поставил?

– Я же всего на минутку выскочила, за зеленью! – ответила беззаботная подружка. – Ну-ка, пропусти меня!

Я посторонилась. Мои руки были заняты банкой, поэтому Трошкина сама толкнула дверь, первой вошла в квартиру и почти сразу с досадой вскричала:

– Блин, опять!

Обнимая банку с вишнежкой так, словно она была продолжением моего живота, который в таком виде тянул на восьмой месяц беременности, я шагнула следом за подружкой в маленькую и тесную прихожую. Она сделалась еще более маленькой и тесной из-за падения вешалки с кучей разного барахла. Вешалка, похожая на сказочное чудо-дерево, вступившее в период интенсивного плодоношения, уже лет сто стояла в углу Алкиной прихожки. И все эти сто лет бесшабашная Трошкина без разбору навешивала на круто выгнутые железные рожки куртки, шапки, зонтики, сумки и пакеты. То, что вешалка наконец рухнула, перегородив прихожую на манер баррикады, меня ничуть не удивило. Удивила меня ненормальная реакция Трошкиной, которая сначала резвым козликом перемахнула через препятствие, а потом вдруг завизжала, словно вешалка с кучей барахла была колючей изгородью, больно оцарапавшей ей пятки.

– В чем дело? – широко шагнув, я перенесла одну ногу за баррикаду и остановилась в этой неудобной позиции.

Притиснув к груди брусок вымоченного в рассоле сыра так, что он заплакал, как настоящий младенец, только беззвучно, Алка согнулась пополам, словно играла в «Угадайку» и удачно имитировала букву Г. Пучок петрушки выпал из ее рук и лег точнехонько в изголовье неподвижного тела, придавленного павшей вешалкой!

– Боже! – вскричала я и выронила банку с компотом.

– Боже! – на порядок громче взвизгнула Алка, отшатываясь от растекающейся по полу лужи густо-красной вишневки. – Караул! Спасите-помогите!

Вопли подружки привели меня в чувство.

– Стой на месте, я сейчас! – велела я, шустро вернула ногу обратно, выскочила из квартиры и взметнулась на восьмой этаж, пожалуй, быстрее, чем истребитель вертикального взлета.

В дверь квартиры Дениса я ударила так, словно хотела ее выбить.

– Что еще? – хмуро спросил милый.

– Скорее, к Трошкиной! – выдохнула я.

– Что, она опять погибает? – удивился Денис.

Я хотела ответить, что не она, а кто-то другой, и не погибает, а, похоже, фатальный загиб уже состоялся, но Денис не стал дожидаться моих объяснений. Отодвинув меня в сторону, он вышел из квартиры, мягко отпихнул рвущегося следом Барклая и запер дверь на ключ.

– Пра. вильно! – прошептала я. – Двери нужно закрывать! А то Трошкина, дура такая...

Договорить по дурасть Трошкиной я не успела, пришлось торопиться за Денисом. Перепрыгивая через ступеньки, я некстати отметила: ноги у него короче, чем у меня, а шаги длиннее! Почему так?

– Ох, мать-перемать! – взорвался милый, вломившись в Алкину прихожку. – Так, девки! Колитесь сразу, кто это ее?

– Ты думаешь, это мы ее убили?! – возмутилась я.

Денис выразительно посмотрел на мои ноги. Против обыкновения, взгляд его был лишен сладострастия. Почему? Я поняла это, когда опустила глаза: застиранные до белизны домашние джинсы, в которые я переделалась, отправив в стирку испачканный костюм, были густо забрызганы темно-красным вишневым соком.

– Ох! Второй раз за день! – собравшись, что мне теперь еще и джинсы стирать, я не сдержала стона.

– Что? Ты сегодня убила двоих? – по-своему понял сказанное Денис.

– По-твоему, я похожа на убийцу?! – обиделась я.

Денис снова с намеком поглядел на мои джинсовые ноги в россыпи кровавых веснушек.

– Это вишневый сок! – спасая меня от навета, сказала Трошкина.

– А это? – перегнувшись через павшую вешалку, Денис указал на тело в основании баррикады.

Тело, по-видимому, было женским – об этом говорили длинные, ниже плеч, волосы, первоначальный цвет которых определить было невозможно. Три литра вишневого сока растеклись по паркету широко, как славное море – священный Байкал, и насквозь промочили шевелюру жертвы. Трошкина, оказавшаяся при сиропном разливе на глубоководье, оставила в пугающей красной луже свои тапки и стояла, балансируя, на перевернутой алюминиевой кастрюле. Я подумала, что кастрюля, вероятно, до катастрофы тоже помещалась на вешалке. Иначе как бы она оказалась в прихожей?

– Это, кажется, Вера Пална! – пропищала Алка.

Стоя на полузатопленной кастрюле, она была похожа на застигнутого наводнением суслика.

– В соку? Или уже в собственном соку? – уточнил Денис, шаря под вешалкой в поисках верхней конечности предполагаемой Веры Палны.

Я было подумала, что он хочет ее поднять, но Денис ограничился проверкой пульса.

– Надо «Скорую» вызвать, – робко подсказала я.

– Уже не надо, – ворчливо ответил Денис. – Эх, ну и вечерок! – И он посмотрел на меня, как гость неудавшегося праздника на массовика-затейника.

– И что теперь? – трусливым шепотом спросила сусликовидная Трошкина, удерживая равновесие на кастрюле лебедиными взмахами рук.

– Баста, карапузики! Кончились танцы! – непонятно, но очень зловеще ответил Кулебякин, отцепляя от ремня мобильный телефон.

– Помирать, так с музыкой! – подхватила смутно узнаваемую цитату Трошкина. – Запевайте, братцы!

С песнями у нас как-то не сложилась, а вот поплясать нам с Алкой пришлось – прямо, как карасям на сковороде! По звонку Дениса дежурная опергруппа слаженно исполнила в двадцать первой квартире ритуальный танец под названием «Выезд на место происшествия».

В квартиру набежала целая толпа народу – сплошь мужики с пуленепробиваемыми лицами. Тут-то и начались танцы-шманцы-выжиманцы: из нас с Трошкиной выдавливали информацию, как сок из спелой вишни, будь она неладна! По правде говоря, сказать нам было нечего: когда Алка побежала к соседям за зеленью, никакого трупа в ее квартире еще не было, а смертоубийственная вешалка мирно стояла в своем углу.

Трошкина как заведенная ругала себя за то, что не потрудились запереть дверь на ключ, потому что в противном случае ее пожилая соседка Вера Пална не вошла бы в квартиру и не угодила бы под обвал вешалки со всем ее разномастным грузом.

Кстати, послойно разбирая образовавшийся завал, оперативники обнаружили на Алкиной вешалке немало любопытных вещиц. В особенности их заинтересовала старомодная нитяная сетка с двумя чугунными гантелями.

– Это-то здесь зачем? – не выдержал предводитель суровых мужчин, которого Денис запросто называл Севой, а нам церемонно представил как майора Скамейкина.

– Чтобы всегда под рукой были, – тоскливо поглядев на сетку, ответила Алка. – Это же мои орудия труда!

Майор Скамейкин озадаченно посмотрел на труженицу гантелей и перевел взгляд на мертвое тело с разбитой головой.

– Я состою на тренерской работе! – смекнув, к чему клонит прямолинейный майор, быстро оправдалась Трошкина. – Занимаюсь лечебной физкультурой с пациентами краевого наркологического диспансера!

– Стало быть, у вас множество сомнительных знакомых? – предположил майор.

– Думаете, старушку зашиб сбегавший из диспансера наркоман? – поежившись, спросила Трошкина.

– Думать будут другие, – веско ответил Скамейкин.

Кто эти другие, бедная испуганная Алка не поинтересовалась. Оперативники убили часа через два. «Сработали в ударном темпе», – сказал Денис. Мы с Трошкиной не стали спорить, у меня лично не осталось на это сил. Проводив оперов и прибывшего к ним Дениса, я помогла трепещущей Трошкиной привести квартиру в относительный порядок и хотела уже идти домой, когда Алка вдруг убежденно сказала:

– Ты была права. Нам обязательно надо напиться!

Вот это заявление заслуживало обсуждения! Я переборола себя и вступила в дискуссию.

– Ларьки и магазины небось уже закрылись. Почти одиннадцать часов, ночь на дворе. Где мы спиртное возьмем?

– Ночь? – повторила Алка, недоверчиво покосившись на окно. – Действительно, ночь... Так, может. В ночной клуб двинем? Врежем по забойному коктейлю. Я закажу себе «стопроцентный отшибатель памяти»!

– А мне двойной! – быстро сказала я. – Могу себе позволить, раз вход бесплатный!

– Ага, значит, у тебя уже есть на примете подходящее заведение? – прищурилась сообразительная Трошкина. – Что за кабак?

– Ночной клуб «Райский птах»! – важно объявила я. – Не очень дорогое, но модное заведение.

– Больно уж пышное название, – засомневалась Алка. – Как туда надо одеваться?

– Дерюга и рогожа категорически недопустимы! – сказала я, намекая на сиротский стиль, исповедуемый подружкой в последнее время. – В этом сарафанце ты фейс-контроль не пройдешь. Пошли к нам, пороемся в шкафах, будем костюмироваться.

Такси мы заказали ровно на двенадцать и остаток времени до полуночи посвятили экипировке.

Среда

Ровно в ноль часов ноль минут – время показалось ему подходящим – Пятак позвонил девушке Юле. До полуночи киллер, умеряя волнение пивом, сидел в многолюдной забегаловке на окраине парка и гипнотизировал взглядом уличный таксофон. Звонить информаторше со своего домашнего или мобильного он поостерегся, памятуя, что Юлин аппарат может быть оснащен определителем номера. Пятак не собирался оставлять случайной помощнице ниточек, которые могли бы привести к нему.

С четверть минуты в трубке шли долгие гудки, потом Пятак услышал нервный женский шепот:

– Да, алло, я слушаю!

«Мамаша», – безошибочно определил Пятак. Жизненный опыт подсказывал ему, что беззаботные юные девушки отвечают на поздние телефонные звонки либо весело и громко, либо недовольно, сквозь длинный зевок.

– Здравствуйте, Юля! – официальным голосом произнес сообразительный Пятак. – Это милиция. Вы тут у нас свидетелем по делу проходите, есть срочный вопрос...

– Это не Юля, – прошелестело в ответ. – Подождите минутку, сейчас я ее позову!

В трубке брякнуло, а потом Пятак услышал приглушенные голоса. «Юлька, иди скорее, тебя из милиции спрашивают!» – кричал один. «Серьезно? – ничуть не испуганно отвечал другой. – Сейчас подойду, только из чата вылезу!» И новоиспеченный киллер похвалил себя за выбор правильной тактики.

– Алло, это правда милиция? – весело и громко спросила беззаботная юная девушка.

– Юля, здравствуйте! Это я, Стас! – извиняющимся голосом запел Пятак, которому хватило ума назваться чужим именем. – Уж простите, я вашей маме представился милиционером, сказал, будто вы у нас свидетелем по делу проходите. Боялся, что она вас к телефону не позовет.

– Да ладно, все нормально, – одобрительно хмыкнув, ответила Юля. – Это почти правда! В доме, возле которого я расклеивала объявления, сегодня убили женщину.

– Ну, это меня не касается, – лицемерно заявил Пятак, нисколько не сомневаясь, что сейчас же услышит все подробности.

Так и получилось!

– Как не касается? Это же имеет прямое отношение к вашему делу! – загорячилось дитя России. – Вы же хотели знать криминогенную обстановку в районе своего будущего жилища? Так убийство произошло в том самом подъезде, в двадцать первой квартире!

– Неужто в двадцать первой? – притворно заволновался Пятак. – А кого убили? Хозяйку?

– Нет, не хозяйку, той как раз дома не было! Ее соседку! – с удовольствием поделилась информацией хорошо осведомленная Юля. – Пожилую одинокую женщину, она зачем-то в двадцать первую квартиру зашла, и тут на нее какая-то мебель обрушилась – не то платяной шкаф, не то антресоль, толком никто не знает, а менты, ясное дело, помалкивают.

– А почему же вы говорите, что ее убили? – резонно спросил Пятак. – Если шкаф упал – это смерть в результате несчастного случая.

– Ой, не придирайтесь к словам! – с досадой ответила девушка. – Не сама же она умерла, правда? Убило ее, так?

– А, ну да, – Пятак поспешил согласиться. – Тогда мне волноваться нечего, несчастный случай где угодно приключиться может! А в остальном в подъезде тихо, спокойно?

– Если не считать Вовчика Кирюхина со второго этажа. Этот запойный, к нему как раз нынче вечером «Скорая» приезжала: представляете, дядечка забрался в горячую ванну с бутылкой водки, напился – и чуть кони не двинул! Сердечный приступ!

Алкаш Вовчик Кирюхин и его двинутые кони Пятака не интересовали совершенно. Поняв, что больше ничего важного Юля ему не сообщит, он поблагодарил ее за помощь и для отвода глаз попросил телефончик риелторской конторы. Не потому, что планировал операции с недвижимостью, а просто вспомнил, как в кино про Штирлица герой говорил, что запоминается последняя фраза разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.